

Revue mensuelle

Mars 1930

LE MESSAGE

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО
ХРИСТИАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

III — МАРТЪ — 1930

ПАРИЖЪ

5-ый годъ изданія.

Цѣна номера 3 фр.

Складъ религіозной литературы при Р. С. Х. Д. въ Парижѣ

10, Bd. Montparnasse, Paris (15). Тел. Segur 81-66.

Библія на русск. яз. съ паралл. мѣст. 8 фр.	Четыре Евангелія на русск. яз.	2.80
I. ВСѢ ИЗДАНИЯ ЗА РУБЕЖОМЪ. Р. С. Х. Д.	Ежедневная молитва старца Кіево-Печерск. лавры Іеросхим. Паревенія	1.25
II. — ИЗДАНИЯ Р. С. Х. Д. ВЪ ПАРИЖѢ ПО ЛЕКЦІЯМЪ, ЧИТАНЫМЪ ВЪ ПРАВОСЛ. БОГОСЛ. ИНСТИТ. ВЪ ПАРИЖѢ:	Заповѣди Божіи въ разсказахъ. Первая заповѣдь (для дѣтей)	4.—
Во Франціи. За-Границу.	Слово жизни. Сборникъ богослужебныхъ пѣснопѣній и чтеній для мірянъ	6.50
Фр.	Моя первая священная исторія въ разсказахъ для дѣтей свящ. П. Воздвиженскаго съ 70 рисунками. Съ довоеннаго изданія Т-ва Вольфъ. СПБ.	16.—
Апологиетика 11.—	Фр.	12.50
Новый Завѣтъ 3.—	Видѣніе св. Ермы	1.50
Ветхій Завѣтъ 10.-75	О святомъ причащеніи. Святит. Ілія Минятин.	1.—
Исторія Церкви 24.—	О предопредѣленіи. Святит. Ілія Минятин	1.50
Патрологія 4.-50.	Бесѣда св. Серафима Саровскаго съ Мотовиловымъ о цѣли христіанской жизни.	2.50
Педагогіка 6.-75.	Фр.	7.—
III. — ИЗДАНИЯ РЕЛИГІОЗНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАГО КАБИНЕТА:	Христіанская семья. Докладъ В. Яковлева	3.—
Вопросы Религіознаго Воспитанія и Образованія. Выпуски I, II, III по	У родныхъ святыхъ. Второй съѣздъ РХСД въ Прибалтикѣ. Печерскій монастырь 3-11 авг., 1929 г., подъ редакціей Л. А. Зандера	7.—
I, II, III по	4.—Прот. Іоаннѣ Кронштадскій. Моя жизнь во Христѣ. Избранныя мѣста	10.—
IV. — ВСѢ ИЗДАНИЯ У. М. С. А. PRESS.	5.—Наставленіе къ исповѣди	2.50
V. КНИГИ ПРАВОСЛАВНАГО МИС. ИЗДАТЕЛЬСТВА.	1.—Всеношное бдѣніе. Свящ. Сергій Самойловичъ.	1.—
Церковь и міръ. Іером. Іоаннѣ, очерки		
Записъ объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ и объ оптинскихъ старцахъ. Изъ личныхъ воспоминаній о. В. III		
Краткій словарь церковно-славянскихъ словъ, слышимыхъ въ церкви		

Цѣны во французскихъ франкахъ съ пересылкой.

Иллюстрированный старообрядческій историческій журналъ

3-й годъ изданія.

РОДНАЯ СТАРИНА

3-й годъ изданія.

Издается рижскимъ кружкомъ ревнителей старины.

Журналъ посвященъ вопросамъ религіозно-національнаго просвѣщенія на основахъ древне-православія. Имѣется специальный отдѣлъ изученія древне-русскаго церковнаго искусства.

Цѣна комплекта за 1928 г. (1—6). 1 ам. долл. (съ перес.).

Цѣна отдѣл. номера 0,40 ам. центовъ.

Адресъ редакціи: J. Zavoloko, Drabuzi iela 10a, Riga Lettonie.

ЦѢНЫ НА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Цѣлая страница	60 фр.	Четверть страницы	20 фр.
Половина страницы	30 >	Восьмая ч. >	10 >

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО ХРИСТИАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМЪ ИМѢЕТЪ СВОЮ ОСНОВНУЮ ЦѢЛЮ ОБЪЕДИНЕНІЕ ВѢРУЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ ВѢРѢ ВО ХРИСТА НЕВѢРУЮЩИХЪ. ОНО СТРЕМИТСЯ ПОМОЧЬ СВОИМЪ ЧЛЕНАМЪ ВЫРАБОТАТЬ ХРИСТИАНСКОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ И СТАВИТЬ СВОЮ ЗАДАЧЕЙ ПОДГОТОВЛЯТЬ ЗАЩИТНИКОВЪ ЦЕРКВИ И ВѢРЫ, СПОСОБНЫХЪ ВЕСТИ БОРЬБУ СЪ СОВРЕМЕННЫМЪ АТЕИЗМОМЪ И МАТЕРІАЛИЗМОМЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ № 3. (1930)

	стр.
1. 1 марта 1930 г.	2
2. Къ началу святаго Великаго Поста	3
3. Новый соблазнъ въ христіанскомъ мірѣ, — Прот. С. Булаковъ.....	7
4. A new temptation in the Cristian World. R. S. Bulgakoff.....	10
5. Два міра. — Прот. С. Четвериковъ	12
6. Философія или апологетика. — К. Серезниковъ	17
7. Нѣсколько словъ въ отвѣтъ г. Серезникову. — В. В. Зиньковский.....	22
8. Соціальная работа въ Соединенныхъ Штатахъ. — Н. Клетининъ.....	26
9. Дѣло для насъ. — В. Кульманъ.....	29
10. Изъ жизни Движенія	31

Приложеніе № 12. Бюллетень Религіозно-Педагогическаго Кабинета.

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

4001253

1 марта 1930.

Последнія недѣли зарубежная Россія живетъ подъ гнетомъ ужаса, боли и негодования, вызванныхъ дерзкимъ похищеніемъ генерала Кутепова. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, уже ни у кого, кажется, нѣтъ сомнѣній, что генераль сдѣлался жертвой преступленія, нити котораго ведутъ въ Москву. Бесиліе правосудія найти преступниковъ еще болѣе сгущаетъ надвинувшуюся вплотную на насъ тѣнь ГПУ.

Это бесиліе и эта боль, быть можетъ, придавили многихъ. Но они же въ эти дни перебросили мостъ между нами и Россіей — въ СССР. Отнынѣ мы уже не издали только сострадаемъ проливаемой тамъ крови. Смѣлый налетъ ГПУ смель рубежи, перенесъ Лубянку въ Парижъ, заставилъ cadaго затрепетать отъ почти тѣлеснаго ощущенія пытокъ. Въ эти дни, когда Россія обливается смертнымъ потомъ, мы должны бодрствовать надъ ея ложемъ. Не отходить отъ нея ни на часъ. Если не тѣломъ, то душой нести ея муку. А въ нашей жизни здѣсь, въ нашей безопасности, въ нашей свободѣ, въ погонѣ за кускомъ хлѣба — столько разсѣивающаго, усыпляющаго, даже охлаждающаго — къ страданіямъ Матери.

Пространство — и время — такъ много значить для ограниченнаго сознанія человека. Мы глухи къ далекому, какъ глухи къ прошлому: удивляющее насъ безчувствіе иностранцевъ къ нашей боли объясняется этой же узостью сознанія.

Движеніе протеста противъ религиозныхъ гоненій въ Россіи не замерло, а вступило въ новую фазу. Правда, оно не сдѣлалось единокласснымъ, не объединило всего общественнаго мнѣнія. Лѣвая Европа все еще воздерживается. Это показываетъ, что политическія соображенія и оглядки еще господствуютъ надъ чистой

моральной реакціей. Не хотятъ разрывать съ Москвой, не вѣрятъ и эмигрантской информации: дѣйствительность въ Россіи слишкомъ невѣроятна! Однако, христіанская Европа уже не молчитъ. Послѣ французскихъ протестантовъ, мы услышали и глосъ Рима. Папа Пій XI назначилъ день 19 марта для всенародныхъ моленій о Россіи. Осторожный и связанный большою политической отвѣтственностью, архіепикопъ Кентерберійскій выступаетъ въ палатѣ лордовъ. Въ Москвѣ могутъ наивно и искренне вѣрить, что за христіанскими церквами стоитъ рука «мировыхъ имперіалистовъ» (московская форма «массономаніи»). Мы здѣсь знаемъ, что христіанская совѣсть есть реальная сила въ мірѣ — хотя и недостаточно могущественная, къ сожалѣнію, чтобы парализовать силу зла. Европа уже выросла изъ вѣка крестовыхъ походовъ, или еще не доросла до нихъ. Но мы ждемъ отъ нея не военной, не денежной помощи, а всего лишь выраженія братской солидарности.

Для чего мы настаиваемъ на этомъ? Можетъ ли быть глосъ Европы достаточно внушительнымъ, чтобы облегчить страданія Россіи? Въ 1922 году, повидимому, заступничество Англии спасло жизнь партріарха. Теперь времена измѣнились. Сталинъ едва ли дорожить европейской торговлей настолько, чтобы унять своихъ палачей. И не «реальныхъ» результатовъ мы ждемъ отъ «моральной интервенціи» христіанской Европы. Она необходима прежде всего для нея самой. Нравственное единство передъ лицомъ антихристіанскихъ силъ болѣе всего могло бы содѣйствовать накопленію вселенскихъ чувствъ, сближенію исповѣданій, возсозданію давно разрушеннаго братства.

А мы, русскіе, что мы приобрѣтаемъ? Мы выходимъ изъ горькаго сознанія своего одиночества въ мірѣ, мы приобщаемся, хотя бы на время, къ единству христіан-

ской семьи народовъ, — единству, столь же существенному для православнаго сознанія, какъ и сознаніе единственности и незабвенности Родины.

Къ началу Святого Великаго поста.

(О христіанскомъ одухотвореніи ума, воли и сердца — по книгѣ Епископа Теофана-Затворника «Путь къ спасенію»*).

«Начнемъ, людіе, непорочный постъ, иже есть душамъ спасеніе, поработаемъ Господеви со страхомъ, елеемъ благотворенія главы помажемъ, и водою чистоты лица умоемъ, не многогалголемъ въ молитвахъ, но, яко научихомся, тако возопіимъ: Отче нашъ, иже на небесѣхъ, остави намъ прегрѣшенія наша, яко человеколобець».

Стихира стиховна на утрени вторника 1-й недѣли поста

1. Христіанское одухотвореніе ума есть напечатлѣніе въ немъ всѣхъ истинъ въ-ры столь глубоке, чтобы онѣ составляли его существо. Напечатлѣніе истинъ — не то же, что ихъ изслѣдованіе. Здѣсь требуется только: уясни истину и держи въ умѣ, пока срастворится съ нимъ одинъ ликъ истины.

*) Настоящія выписки изъ книги Еп. Теофана заключаютъ въ себѣ наставленія, какъ простыми и нетрудными способами можно достигнуть христіанскаго одухотворенія ума, воли и сердца. Это наставленіе особенно полезно въ дни болѣе напряженнаго вниманія христіанина къ своей внутренней жизни т. е. въ дни Великаго Поста. Члены Движенія и въ частности члены Содружества найдутъ въ словахъ еп. Теофана полезное руководство для себя.

Упражненія или дѣланія, сюда относящіяся, суть чтеніе и слышаніе слова Божія, отеческихъ писаній, житій св. отцовъ, взаимное собесѣдованіе и вопрошеніе опытнѣйшихъ. Хорошо — читать или слушать, лучше взаимное собесѣдованіе, а еще лучше — слово опытнѣйшаго.

Плодоноснѣе — слово Божіе, а за нимъ отеческія писанія и житія святыхъ. Впрочемъ, нужно знать, что житія лучше для начинающихъ, писанія отеческія — для среднихъ, Божіе же слово — для совершенныхъ.

Часто одинъ текстъ възгрѣваетъ духъ не на одинъ день; есть житія, о коихъ одно воспоминаніе возставляетъ жаръ ревности; есть мѣста у св. отцевъ всевозбудительныя. Посему есть доброе правило: выписывать такія мѣста и хранить, на случай нужды, для возбужденія духа.

Есть два рода чтенія: одно рядовое, почти механическое, а другое — избирательное, по требованію духовныхъ нуждъ, съ совѣта. Первое приличнѣе утвердившимся уже, которые какъ бы только повторяютъ, а не изучаютъ.

Всенеобходимо имѣть каждому человекѣ для бесѣды о вещахъ духовныхъ, который уже зналъ бы все наше и которому можно бы смѣло открывать все, что бываетъ на душѣ. Лучше, если такой одинъ, много — два. Бесѣдъ же празд-

ныхъ, для одного препровожденія времени, всячески должно избѣгать.

Вотъ правила чтенія: передъ чтеніемъ должно упразднить душу отъ всего. Возбудить потребность знать то, о чемъ читается. Обратиться молитвенно къ Богу. Читаемое слѣдить вниманіемъ и все слагать въ отверстое сердце. Что не дошло до сердца, на томъ стой, пока дойдетъ. Очевидно, что читать должно весьма медленно. Прекратить чтеніе, когда душа не хочетъ уже чтаніемъ питаться. — съта, значить. Если, впрочемъ, поразить душу какое мѣсто, стѣй на немъ и не читай болѣе. Лучшее время для чтенія слова Божія — утро, житій — послѣ обѣда, св. отцовъ — незадолго передъ сномъ. Можно, слѣдовательно, касаться всего понемногу каждый день.

При такихъ занятіяхъ постоянно должно содержать въ мысли главную цѣль — впечатлѣніе истинъ и возбужденіе духа. Если это не приносится чтеніемъ или бесѣдою, то они — праздное чесаніе вкуса и слуха, пустое совопросничество. Если совершается это съ умомъ, то истины и впечатлѣваются, и возбуждаютъ, и одно помогаетъ другому; а если отступаетъ отъ праваго образа, то нѣтъ ни того, ни другого: истины набиваются въ голову, какъ песокъ, и духъ хладѣетъ и черствѣетъ, надымается и кичить. слѣдовательно, чтеніе, слушаніе, бесѣда, не впечатлѣвающія истинъ и не возбуждающія духа, должны быть почитаемы неправыми, уклонившимися отъ истины. Это — болѣзнь многочтенія по одной пытливости, когда однимъ умомъ слѣдятъ за читаемымъ, не доводя до сердца. Это есть наука мечтать, не созидающая, не учащая, а разоряющая, всегда ведущая къ киченію. Все дѣло, какъ сказано, ограничить должно слѣдующимъ: уясни истину и содержи въ умѣ, пока вкусить сердце..

2. Одухотворить волю, значить, напе-

чатлѣть въ ней добрыя расположенія или добродѣтели: смиреніе, кротость, терпѣніе, воздержаніе, уступчивость, услужливость и проч. — такъ, чтобы они, сраствовавшись или сросшись съ нею, составили какъ бы ея природу и чтобы, когда предпринимается что волею, предпринималось по возбужденію ихъ и въ ихъ духѣ, чтобы, то-есть, они стали правителями и царствовали надъ дѣлами нашими. По елику такое настроеніе воли противоположно настроенію грѣховному, то стяжаніе его составляетъ трудъ и потъ. Поэтому и дѣланія, относящіяся сюда, преимущественно направляются противъ главной немощи воли, т. е. своеволія, непокорности, нетерпѣнія ига. Недугъ этотъ врачуется покореніемъ воли Божіей, съ отверженіемъ своей и всякой другой. Воля же Божія открывается въ разныхъ видахъ послушанія, лежащихъ на каждомъ. Первое и главнѣйшее требованіе ея есть храненіе законовъ или заповѣдей по своей, cadaго, должности или званію. Потому умѣй только распоряжаться, и не восчувствуешь скудости средствъ къ образованію воли.

Для сего уясни себѣ всю сумму дѣлъ правыхъ, возможныхъ для тебя, въ твоёмъ мѣстѣ, званіи, обстоятельствахъ, вмѣстѣ съ разсмотрѣніемъ и того, когда, какъ и въ какой мѣрѣ и что можно и должно исполнить. Уяснивши все, опредѣли общій очеркъ дѣлъ и ихъ порядокъ, чтобы все творимое не было нечаянно, памятуя при томъ, что этотъ порядокъ умѣстенъ только вообще, въ частности же онъ можетъ быть измѣняемъ по требованію хода дѣлъ. Все съ разсужденіемъ твори. Навыкшіе въ дѣланіи правомъ никогда ничего не опредѣляютъ, а дѣлаютъ всегда то, что Богъ пошлетъ, ибо все отъ Бога: случаями Онъ открываетъ намъ свои опредѣленія.

Все это, впрочемъ, только дѣла. Хожденіе въ нихъ дѣлаетъ только исправ-

нымъ. Чтобы черезъ нихъ востечь и къ добродѣтелямъ, надлежитъ напряженно держать духъ истиннаго добродѣланія: именно — со смиреніемъ и страхомъ Божиимъ все твори по волѣ Божіей и во славу Божию. Кто творитъ по самонадѣянности, тотъ, хотя и въ правыхъ дѣлахъ, образуетъ въ себѣ злой духъ самоправедности, киченія и фарисейства. Сдерживай правый духъ, помни законъ постепенности и непрерывности. Всегда начинай съ меньшаго и восходи къ высшему и, начавши дѣлать, не останавливайся.

Этимъ избѣжать можно: **смушенія**, что несовершенно, ибо не вдругъ; придетъ еще время; **мысли**, что все уже сдѣлалъ, ибо степенямъ конца нѣтъ; **заносчивой** предприимчивости, подвиговъ выше силъ. Последній предѣлъ — естественность добродѣланія, когда уже законъ не лежитъ бременемъ.

Успѣшнѣе всего достигаетъ сего тотъ, кто сподобится благодати жить **вмѣстѣ** съ добродѣтельнымъ, а еще успѣшнѣе, если онъ у него подъ наукой. Не читай, не размышляй, какъ говорится, а найди благоговѣйнаго, и тотчасъ нучишься страху Божию. Тоже можно приложить и ко всякой другой добродѣтели. Хорошо, впрочемъ, судя по себѣ, своему характеру и мѣсту, избрать преимущественно одно добродѣланіе и держаться его неуклонно. — оно будетъ грунтовое, какъ канва, — по нему и на другія переходить. Это спасительно при разслабленіи, — сильно напоминаетъ и скоро возбуждаетъ. Надежнѣе всѣхъ подаяніе милостыни.

Впрочемъ, это касается только дѣлъ, а не расположеній, у которыхъ долженъ быть свой внутренній строй, зиждущійся въ духѣ, нѣкоторымъ образомъ независимо отъ сознанія и свободы, какъ Господь дастъ.

Началомъ его всѣми святыми признается страхъ Божій, а концомъ любовь; въ

серединѣ строятся всѣ добродѣтели одна изъ другой, хоть и не у всѣхъ одинаково, но непременно на смиренномъ и сокрушенномъ покаяніи и болѣзнованіи о грѣхахъ. Это соки добродѣтелей. Изображеніе каждой добродѣтели, ея свойства, дѣланія, совершенства, степени, уклоненія — есть предметъ особыхъ книгъ и отеческихъ наставленій. Такого рода добродѣланіе прямо образуетъ волю и впечатлѣваетъ въ ней добродѣтели; въ то же время оно держитъ и духъ въ постоянномъ напряженіи. Какъ треніемъ возбуждается теплота, такъ и дѣлами добрыми возгрѣвается усердіе. Безъ нихъ и добрый духъ хладѣетъ и испаряется. Этому обыкновенно подвергаются недѣлатели, или люди, ограничивающіеся недѣланіемъ зла и неправдъ. Этого мало. Надобно назначать и избирать и дѣла добрыя.

3. **Одухотворить сердце**, значитъ, воспитать въ немъ вкусъ къ вещамъ святымъ. Божественнымъ, духовнымъ, чтобы, обращаясь среди нихъ, оно чувствовало себя какъ бы въ своей стихіи, находило въ томъ сладость, блаженство. Къ сердцу сходится вся духовная дѣятельность челоуѣка: въ немъ отпечатлѣваются истины, въ него внидряются и добрыя расположенія; но главное собственное его дѣло — это показанный выше вкусъ. Когда умъ зритъ все строеніе міра духовнаго и разные его предметы, или въ волѣ спѣются разныя благія начинанія, — сердце подъ ними должно во всемъ этомъ ощущать сладость и издавать теплоту. Это услажденіе духовнымъ есть первый признакъ оживленія умершей отъ грѣха души. Поэтому образованіе его — очень важный моментъ даже въ начаткахъ. Дѣланіе, направленное къ нему, есть все вообще наше священнослуженіе во всѣхъ его видахъ — и общее и частное, и домашнее и церковное, а главнымъ образомъ — движущійся въ немъ молитвенный духъ.

И такъ слѣдуетъ учредить возможно частое пребываніе въ храмахъ, на церковныхъ службахъ. Имѣть стремленіе къ тому и, при первой возможности, быть тамъ каждодневно. Нашъ храмъ есть рай на землѣ или небо. Спѣши въ храмъ по вѣрѣ, что онъ — мѣсто селенія Божія; пребывая въ храмѣ, будь, какъ передъ Богомъ, въ страхъ и благоговѣніи, которыя вырази благоговѣйнымъ стояніемъ, поклонами, вниманіемъ, безъ расхищенія мыслей, ослабленія и небрежности.

Слѣдуетъ не забывать и своего домашнего молитвованія. Но должно помнить, что это есть только нѣкое дополненіе церковнаго служенія, а не замѣна его. Но главнымъ образомъ, что даетъ силу церковному служенію, это — молитвенный духъ. Потому образованіе молитвы должно быть начато прежде всего и продолжается постоянно, неутомимо, пока не дастъ Господь молитву молящемуся. Начатки молитвы полагаются уже въ самомъ обращеніи къ Богу. Но невниманіемъ или неумѣніемъ можно погасить въ себѣ эту искру. Необходимо навикать молитвѣ. Для сего: 1) Избери правило молитвословія — вечерняго, утренняго и дневнаго.

2) Правило небольшое сначала, чтобы не отвратить непривыкшаго духа къ сему дѣланію и труду.

3) Но совершать его должно всегда со страхомъ, тщаніемъ и всѣмъ вниманіемъ.

4) Здѣсь требуется стояніе, поклоны, колѣнопреклоненіе, крестное знаменіе, чтеніе, иногда пѣніе.

5) Чѣмъ чаще становится на такую молитву, тѣмъ лучше: немного, но чаще.

6) Какія читать молитвы, это положено въ молитвенникахъ. Но хорошо навикнуть къ одной какой либо, чтобы, начавъ ее, тотчасъ загорался духъ.

7) Правило молитвословія просто: — ставъ на молитву, со страхомъ и трепетомъ, говори ее, какъ въ уши Божіи, со-

провождая крестомъ, поклонами и паденіемъ ницъ, соотвѣтственно движенію духа.

8) Правило, принятое всегда непременно исполнить должно, но это не препятствуетъ, по требованію сердца, и прибавлять.

9) Чтеніе и пѣніе вслухъ, или шепотомъ, или молча — все одно, ибо Господь близъ. Но иногда лучше тѣмъ, иногда другимъ способомъ совершать все молитвословіе.

10) Твердо должно содержать въ мысли предѣлъ молитвы. Та молитва хороша, которая оканчивается припаданіемъ къ Богу съ чувствомъ: ими же вѣси судьбами, спаси мя.

11) Есть степени молитвы. — Первая степень — молитва тѣлесная, болѣе въ читаніи, стояніи, поклонахъ. Вниманіе отбѣгаетъ, сердце не чувствуетъ, охоты нѣтъ: тутъ терпѣніе, трудъ, потъ. Это — дѣлательная молива. Вторая степень — молитва внимательная: умъ привыкаетъ собираться въ часъ молитвы и всю ее проговорить съ сознаніемъ, безъ расхищенія. Вниманіе срастворяется со словомъ писаннымъ и говоритъ, какъ свое. Третья степень — молитва чувства: отъ вниманія согрѣвается сердце, и что тамъ въ мысли, то здѣсь становится чувствомъ. Кто перешелъ къ чувству, тотъ безъ слова молится, ибо Богъ есть Богъ сердца.

12) Какъ бы, впрочемъ, ни полагалъ кто себя усовершенствовавшимся въ молитвѣ, правила молитвеннаго оставлять никогда не должно, а творить его, какъ указано, и всегда начинать съ молитвы дѣлательной. Съ нею должна быть умная, а за ними придетъ и сердечная. Безъ этого растеряются сіи послѣднія, и чело-вѣкъ будетъ думать, что молится, а на дѣлѣ этого не будетъ.

Воспитывая указанными способами силы души нашей — умъ, волю и сердце,

мы достигаемъ одуховленія души, или возвышенія ея въ духъ и сорастворенія съ нимъ.

Эти дѣланія, проникнутыя духовными стихіями, сродняютъ душу съ духомъ и срастворяютъ. Отсюда очевидно, какъ существенно они необходимы, и какъ худо дѣлаютъ увольняющіе себя отъ нихъ.

Но должно помнить, что весь плодъ этихъ дѣланій зависитъ отъ духа ревности и исканія. Онъ проводитъ возстановительную силу благодати черезъ эти дѣланія и низводитъ въ душу оживленіе. Безъ него всѣ эти дѣланія пусты, хладны, безжизненны, сухи. Малоплодны чтенія, поклоны, службы и все другое, когда

нѣтъ внутренняго духа... Это дѣланіе можетъ научить тщеславію и фарисейству и имъ однимъ поддерживаться. Потому все опадаетъ, когда встрѣтятся противности у того, кто духа не имѣетъ. Духъ же передаетъ душѣ силу, по коей она сътостости въ сихъ дѣланіяхъ не находитъ и желала бы въ нихъ однихъ и обращаться навсегда.

Потому крайне нужно, при сихъ дѣланіяхъ, всегда имѣть въ виду, чтобы горѣлъ духъ жизни, со смиреннымъ и болѣзненнымъ припадениемъ къ Богу, Спасителю нашему. А это лучше всего питается и хранится молитвою и дѣланіями молитвенными.

Новый соблазнъ въ христіанскомъ мірѣ.

И то уже весьма унизительно для васъ, что вы имѣете тяжбы между собою... Но вы сами обижаете и отнимаете, и при томъ у братьевъ (I, Кор. 6, 7-8).

Съ горечью и болью приходится писать мнѣ эти строки. Больше всего хотѣлось бы молчать, однако молчать не позволяетъ совѣсть. Всѣ мы являемся свидѣтелями жесточайшаго гоненія на вѣру въ Бога—и прежде всего, на православіе—въ сов. Россіи, предъ которымъ начинаетъ уже содрогаться міръ, уразумѣвая, наконецъ, что это есть духовная гроза и всему человѣчеству. Предъ лицомъ этого антихристіанскаго гоненія естественно искать объединенія духовнымъ силамъ всего христіанскаго міра.

Но въ это же самое время, за предѣлами совѣтской власти, въ Польшѣ, совершаются дѣйствія, которыми вливается въ души ядъ религіозной вражды и междоусобицы. Въ концѣ 1929 г. епископаты Римско-католической церкви предъ-

явлено до 622 исковъ къ православнымъ епархіямъ Виленской, Волынской, Гродненской и Полѣсской объ изъятіи изъ рукъ православнаго населенія храмовъ и церковнаго имущества. Всего это составляетъ болѣе трети церковнаго достоянія (въ томъ числѣ 3 кафедральныхъ собора, 8 монастырей и даже такая древняя русская святыня, какъ Почаевская Лавра). Этотъ искъ (и не о выкупѣ, а именно объ изъятіи храмовъ) уже заставилъ содрогнуться все православное населеніе въ Польшѣ и даже за ея предѣлами. Отношенія между католичествомъ и православіемъ въ Польшѣ издавна отличались особой болѣзненностью. Православіе раздиралось здѣсь двумя встрѣчными силами: католическая Польша старалась привести его къ уніи съ Римомъ, что и было достигнуто въ 1596 году, русская же власть, какъ и значительная часть самого русскаго народа, стремились отъ нея освободиться что и совершалось въ разныя времена. Полити-

ка русскаго правительства сопровождалась мѣрами государственнаго принужденія, также какъ и отдѣльныя дѣйствія воинствующаго католицизма и полонизма, съ ихъ преимуществами культурными и экономическими. Многовѣковая исторія этихъ отношений представляетъ исключительную сложность и различно во многомъ понимается обѣими сторонами. Когда Польша получила государственное бытiе, а царская Россiя перестала существовать, естественно наступила пора и реституцій, и реванша для католичества. И то и другое осуществлялось польскимъ правительствомъ при дѣятельномъ участiи католическаго клира. Въ той мѣрѣ, въ какой это являлось «ревендикацiей», возвращенiемъ католическому населенiю дѣйствительно принадлежавшихъ и нужныхъ ему храмовъ, это можно только привѣтствовать (частично это имѣло мѣсто для униатскаго населенiя еще въ 1904 году). Насколько это стремленiе обращалось въ реваншъ и фактическое угнетенiе православiя, оно заслуживаетъ уже самаго горестнаго сожалѣнiя. Была закрыта не одна сотня православныхъ приходовъ. Было отобрадено, а частью и уничтожено болѣе 500 храмовъ.*). Послѣ этихъ мѣръ, казалось бы, достаточно возстановлявшихъ положенiе, наступила нѣкоторая стабилизациа, которая однако снова внезапно нарушена теперь предъявленными исками (въ виду истекающаго срока 10-лѣтней давности), и снова открылись едва начинавшiя затягиваться историческiя раны. Въ обоснованiи этихъ исковъ сказывается

*) Данныя эти сопоставлены были сенаторомъ В. Богдановичемъ въ рѣчи его, сказанной въ польскомъ сенатѣ 23-го июля 1924 года, гдѣ онъ говоритъ о «планомѣрномъ преслѣдованiи православiя». Сюда же относятся и высылка изъ Польши достойнѣйшихъ и независимыхъ представителей православнаго епископата.

явная спѣшность, въ ихъ количествѣ явное преувеличенiе. Если пожеланiе истцовъ исполнится въ полной мѣрѣ, православный русскiй народъ лишится послѣднихъ своихъ святынь и монастырей, которыхъ онъ уже лишень въ совѣтской Россiи, а сотни православныхъ приходовъ окажутся лишенными храмовъ, ненужныхъ и католикамъ за отсутствiемъ или малой численностью ихъ въ этихъ исконно православныхъ приходдахъ. Конечно, въ этой многовѣковой и запутанной исторiи мало найдется храмовъ (кромѣ построенныхъ уже въ XIX в., имѣющихся, однако, также въ этомъ спискѣ), принадлежность которыхъ той или другой сторонѣ не могла бы оспариваться передъ судомъ. Но правильна ли, церковна ли, допустима ли для христіанской совѣсти такая чисто юридическая собственническая постановка вопроса? *Summum ius - summa iniuria*. Въдѣ рѣчь идетъ не о тяжбѣ о собственности, но о храмахъ и церковныхъ имуществахъ. Здѣсь для христіанской совѣсти рѣшающимъ должно быть не то, что было сто и болѣе лѣтъ тому назадъ, и о чемъ безъ конца можно спорить *optima fide*, но то положенiе, которое установилось и закрѣпилось въ настоящемъ поколѣнiи. И самая попытка отнятія храмовъ у православнаго населенiя, хотя бы и юридическими средствами, переживается, какъ походъ католичества на православiе. Совершается актъ религіознаго преслѣдованiя, и римско-католическая ревность здѣсь не есть христіанская, что приходится громко и твердо сказать. И это недоброе дѣло должно отозваться скорбью во всемъ христіанскомъ мiрѣ. Я не буду говорить здѣсь о нашей русской православной скорби, которая столь велика и безмѣрна, что становится уже непонятна и докучна. Я хочу говорить ко всему христіанскому мiру о томъ

христіанскомъ мирѣ, котораго онъ нынѣ жаждетъ, и прежде всего къ католичеству, которое заслуживаетъ сожалѣнія за то, что въ средѣ его имѣютъ мѣсто такія явленія. Я привыкъ уважать и любить церковной любовью католиковъ (*fratres separati*) за ихъ любовь ко Христу, дисциплину, умъ, ученость, духовную напряженность, и этой любви во мнѣ, конечно, не угасятъ и польскіе зилоты. Я не сомнѣваюсь, что среди католиковъ найдутся благородныя и истинно христіанскія сердца, которыя не могутъ не скорбѣть о совершающемся въ Польшѣ, хотя невольно возникаетъ и тягостное сомнѣніе: что выше для нихъ — совѣсть или дисциплина? Въ данномъ случаѣ за дѣйствіе польскихъ епископовъ отвѣчаетъ и римская курія, потому что по Ватиканскому догмату папѣ принадлежитъ высшая власть въ церкви, *ordinaria et immediata*, — а, слѣдовательно, и отвѣтственность. Одно изъ двухъ: или эта власть безсильна остановить выступленіе польскаго клира, или же она солидарна съ нимъ, и польскіе иски постольку являются дѣломъ самого папы. Но папа Пій XI дѣло соединенія церквей объявилъ главной задачей своего понтификата, онъ не пропускаетъ случая словомъ и дѣломъ выразить свое вниманіе къ православному востоку. Теперь же имъ попускается дѣло, которое способно, можетъ быть, надолго повредить дѣлу мира между востокомъ и западомъ. Вѣдь стоитъ только подумать: если польскіе епископы выигрываютъ всѣ процессы, вступятъ во владѣніе православными монастырями и храмами и изгонятъ оттуда православное населеніе, память объ этомъ останется темною тѣнью въ вѣкахъ; если же они не получатъ желаемого, то окажутся въ конфузномъ положеніи людей, которые хотѣли взять чужое и потерпѣли неудачу.

И тѣмъ не менѣе я обращаюсь къ совѣсти католическихъ братьевъ во Христѣ: остановитесь, потому что для совѣсти никогда не поздно исправить сдѣланную ошибку. И я обращаюсь къ христіанскому міру, особенно къ тѣмъ братьямъ во Христѣ, съ которыми мы встрѣтились сердцемъ въ Лозаннѣ и Стокгольмѣ, которые сознали, что надо искать мира Христова. Это есть и ваше дѣло, вашего вліянія, авторитета, общественнаго мнѣнія. Вѣдь голосъ христіанской совѣсти остается духовною силою и въ наши дни. Если было возможно и отвѣчало самосознанію эпохи (даже въ лицѣ лучшихъ ея представителей) облекать вѣру желѣзными латами, обращаться къ государственному мечу за ея защитой, то теперь это стало непереноснымъ для христіанскаго сознанія. Религіозное насиліе является теперь принадлежностью лишь явныхъ враговъ христіанства, которые гонятъ вѣру Христову убійствами, заточеніями, разрушеніемъ храмовъ, отнятіемъ имущества, терроромъ физическимъ, юридическимъ и экономическимъ. Ибо сатана былъ челоуѣкоубійца искони. Но горе, когда онъ пріемлетъ видъ ангела свѣта и дѣлаетъ его дѣло во имя вѣры. И попраше христіанскаго братолюбія и милосердія не является ли болѣе тонкимъ и ядовитымъ соблазномъ, болѣе дѣйственной проповѣдью безбожія, нежели прямое, грубое, но и безсильное именно своимъ духовнымъ убожествомъ гоненіе Имени Христова? Въ то время, когда Христовъ открыто подвергается бичеванію и поруганію на русской Голгоѣ, неужели изъ среды ходящихъ за Нимъ найдутся подобные тѣмъ, кто, заушая Его сзади, спрашиваютъ Его: скажи, кто Тебя ударилъ?

Прот. С. Булгаковъ.

A NEW TEMPTATION IN THE CHRISTIAN WORLD.

Now there is utterly a fault among you, because ye go to law one with another... Nay, ye do wrong, and defraud, and that your brethren.

1 Cor. VI. 7—8.

I am writing these words with sorrow and with a heavy heart. I should much prefer not to speak, but my conscience does not allow me to remain silent. We are all witnesses of the terrible persecution of faith in God, and especially of the Orthodox Church in Soviet Russia. The whole world begins to shudder at the sight of it. The whole world begins to realize, at last, that this persecution represents a spiritual danger for the whole of humanity. It would be natural, if before this anti-Christian persecution the Christian world should seek to unite all its forces. And yet, at this very time, beyond the frontier of Soviet authority, in Poland, measures are taken which pour into our souls the poison of religious hostility and civil strife.

Towards the end of 1929 the bishops of the Roman Catholic Church in Poland presented 622 x) claims to the Vilna, Volynia, Grodno and Polesië dioceses, demanding the taking away of churches and church property from the Orthodox population. This represents more than one third of the whole church property, of the Orthodox Church (the claims include 3 cathedrals, 8 monasteries and even the famous Russian sacred heirloom — the Potchaëff Montastery). The claim has caused much distress

x) The latest newspapers give the whole number as 724.

among the whole Orthodox population of Poland and even outside of Poland. It is a claim to take away the churches, and no indemnity is offered for them.

For many centuries the relationships between the Catholic and the Orthodox Churches in Poland have been very strained. Orthodoxy was torn asunder by two conflicting forces. Catholic Poland strove to subject it to the union with Rome, which was achieved in 1596; the Russian Government, and a considerable part of the Russian population, continually endeavored, and sometimes succeeded, in throwing off that union.

The policy of the Russian Government was accompanied by compulsory administrative measures, in the same way as the measures of militant Roman Catholicism and Polonism have been supported by economic and cultural advantages. The century-old history of these relationships is complicated and in many cases is differently interpreted by the two parties. When Poland became an independent state, and Czarist Russia ceased to exist, there began, naturally enough, a period of restitutions and ascendancy for the Roman Catholic Church. The restitution were brought about by the Polish Government in collaboration with the Roman Catholic clergy. In so far as it was the return to the Catholic population of churches that really belonged to it and were needed by it, these measures can only be welcomed (a certain part of the restitutions was made already in 1904). In so far as these measures bore the character of revenge and actual persecution of Orthodoxy, they must

be bitterly regretted. More than one hundred Orthodox parishes were abolished; more than 600 churches were closed and part of them destroyed xx) These measures seemed to reestablish justice sufficiently, and there began a period of comparative peace, that has now been suddenly interrupted by new claims of the Polish clergy (caused by the expiration of the 10 year term); and the historic wounds that have only begun to close are re-opened.

The motivation of these claims shows haste, and their number is evidently exaggerated. If the demands of the authors of the claims are satisfied, the Orthodox Russian population will be deprived of its last monasteries and venerated treasures, having already lost those in Soviet Russia. Hundreds of Orthodox parishes will be deprived of their churches, — churches that are not needed by the very few Catholics of these entirely Orthodox parishes. Certainly, owing to the age-long difficulties and controversies in the history of the country there will be few churches that cannot be claimed on legal grounds by both parties except those that have been built in the XIX century. However even several of these are threatened. But is this purely legal, proprietary attitude just? Is it admissible for the church, — for our Christian conscience? For the claims concern not a simple property, but churches and church belongings. The important, the deciding factor for the Christian conscience ought to be

xx) This data was furnished by Senator W. Bogdanowitch in his speech in the Polish Parliament, 23 July 1924, when he spoke of « systematic persecution of Orthodoxy ». In this connection there occurred the exile from Poland of the most worthy and independent representatives of the Orthodox episcopacy.

not what was a hundred and more years ago, and what can be endlessly argued about, but the situation that exists now, and that has existed for the present generation. — *Summun in summa iniuria.* — The very attempt to take away churches from the Orthodox population, even if they are taken away on legal grounds, is felt and experienced as a crusade of Catholicism against Orthodoxy. An act of religious persecution takes place and the zeal of Roman Catholicism in this case is no Christian zeal.

This we must proclaim loudly and with conviction. This evil deed must find an echo of regret in the whole Christian world. I am not speaking here of our Russian Orthodox sorrow, so great and so boundless, possibly incomprehensible or even annoying to foreign friends. I want to speak to the whole Christian world of that Christian peace for which it thirsts, and first of all want to address myself to the Roman Church, which must be pitied for the events that take place in its midst. I have always respected and loved with Christian love the Catholics, (*fratres separati*) for their love to Christ, for their discipline, wisdom, learning, for the intensity of their spiritual life, and of course that love will not be extinguished by Polish zealots. I have no doubt that amongst Catholics there will be noble and truly Christian hearts that will sorrow for what happens in Poland.

However, a heavy doubt arises in my mind: what will matter more to them, — conscience or discipline? In this particular case Rome is also responsible for the actions of Polish Bishops, because, according to Vatican Dogma, the highest power in the Church, and therefore responsibility, belong to the Pope. One of the two things must be true: either Rome is powerless to stop the measures taken by

the Polish bishops, or they are taken in accordance with its will. But Pius XI has proclaimed the reunion of Churches as the chief aim of his pontificate; he never misses an occasion to express by deed or word his attention and sympathy to the Orthodox East, and yet now he permits such actions to take place as will infinitely harm the work of peace between East and West. Let us give only a thought to it: if the Polish bishops win their cause, take possession of all the orthodox population, — the memory of this act will remain a shadow for centuries; if the law will refuse to satisfy their claims, they will find themselves in the awkward position of people who wanted to take something that did not belong to them and have failed.

Nevertheless, I address myself to the conscience of my Catholic brothers in Christ: do not go further, for it is never late for our conscience to correct an error. And I address myself to the Christian world, and especially to the brothers in Christ with whom we have met heart to heart in Lausanne and Stockholm, who have felt that we must seek the peace of Christ. This is also your work, the work of your influence, authority, public opinion. For the voice of the Christian conscience remains a spiritual power even in our days. If at a certain time it was

possible (even for the best representatives of that time) to clothe faith in steel armour, to ask for protection by the sword of state powers, — it has now become impossible for the Christian consciousness. Religious persecution is now the tool of the open enemies of Christianity, who attack the Christian faith by murders, imprisonments, destruction of churches, requisition of property, by legal, physical, and economic terror. For since the beginning of the world Satan was a slayer of men. But, alas, when he takes the image of an angel, and does his work in the name of faith. In trampling down Christian, brotherly love and charity, do we not offer a much finer and more poisonous temptation, do we not preach godlessness more efficiently than does the open, crude persecution of the name of Christ, powerless through its own spiritual poverty? At the time when Christ is openly flagellated and mocked on the Russian Golgotha, is it possible that in the midst of those who follow Him, there will be someone who, smiting Him from behind, will ask Him: «Prophecy, who ist it that smote thee?»

Professor Archpriest *Dr. S. Bulgakoff*
(Member of the Continuation Committee
of the Lausanne Conference).

Два міра.

«Савль, Савль, что ты гонишь Меня?...
Трудно тебѣ идти противъ рожна».
Дѣян. Ап. IX. 4-5.

Сейчасъ уже совершенно ясно, что гонение на вѣру и церковь въ Россіи не мо-

жетъ быть объяснено политическими причинами. Заявленія, сдѣланныя въ свое время святѣйшимъ патриархомъ Тихономъ о невмѣшательствѣ Церкви въ политику и позднѣйшія заявленія митрополита Сергія о лояльномъ отношеніи

Церкви къ совѣтской власти и о ея разрывѣ съ политическими группами, въ искренности которыхъ нѣтъ никакого сомнѣнія, отняли у большевиковъ всякое основаніе обвинять Церковь въ политическихъ интригахъ, въ желаніи произвести въ Россіи политическую и социальную контръ-революцію. Какъ бы мы ни относились къ заявленіямъ святѣйшаго патріарха Тихона и митрополита Сергія, будемъ ли мы оправдывать ихъ, или осуждать, ясно одно, что этими заявленіями вопросъ о взаимоотношеніи Церкви и совѣтской власти въ Россіи совершенно снятъ съ политической почвы. Хорошо ли это, или худо, Церковь предстала теперь передъ государственною властью совершенно чистою отъ всякой политической окраски. И если, несмотря на это, Церковь продолжаетъ подвергаться гоненіямъ, и эти гоненія все болѣе и болѣе усиливаются, если слышатся угрозы совершеннаго уничтоженія религіи и закрытія всѣхъ храмовъ въ предѣлахъ совѣтской Россіи, то это теперь можетъ быть объяснено только тѣмъ, что Церковь по самому существу своему, по своей религіозной природѣ, **невыносима** для совѣтской власти и **несовмѣстима** съ совѣтскимъ социалистическимъ государствомъ. Причина гоненія заключается не въ различіи политическихъ и социальныхъ воззрѣній, а гораздо глубже — въ различіи и непримиримости самихъ природъ матеріалистическаго и атеистическаго государства и христіанской Церкви и всѣхъ, вытекающихъ изъ этихъ природъ нравственныхъ и бытовыхъ особенностей.

Церковь дошла до предѣла уступчивости государству. Но государство этимъ не удовлетворено. Оно жаждетъ совершеннаго уничтоженія Церкви. Происходитъ столкновеніе двухъ міровъ, двухъ мироощущеній, двухъ міросозерцаній.

Идетъ борьба между религіей и безбожіемъ, между христіанствомъ и антихристіанствомъ. Можетъ быть, это еще и не то, что предсказано въ Апокалипсисѣ, не начало послѣдней окончательной борьбы Антихриста со Христомъ, но, несомнѣнно, это ступень къ тому, это первое и **открытое** жестокое наступленіе предтечь Антихриста на Церковь Христову. Таковъ ужасный и потрясающій смыслъ происходящихъ въ Россіи событій.

Настоящее положеніе Церкви въ Россіи похоже на положеніе первенствующей Церкви въ языческомъ государствѣ. И тогда Церковь стояла передъ государствомъ свободная отъ всякой политической окраски. Она знала только Христа, Распятаго и Воскресшаго. И тогда государство стремилось уничтожить Церковь не потому, что Церковь хотѣла изменить политическій строй государства, или замѣнить одного императора другимъ. Церковь никогда не имѣла подобныхъ притязаній. Государство преслѣдовало Церковь потому, что самая вѣрованія Церкви признавались опасными для единства и прочности языческаго государства. Тогда тоже шла борьба двухъ міровоззрѣній. Но тогда оба міровоззрѣнія имѣли религіозный характеръ. Языческое суевѣріе столкнулось съ Божественной истиной христіанства и было побѣждено ею, несмотря на всю внѣшнюю мощь языческаго государства и на всю жестокость и безпощадность трехвѣковыхъ кровавыхъ гоненій. Въ настоящее время христіанская истина столкнулась съ современнымъ ожесточеннымъ матеріализмомъ и безбожіемъ, вооруженнымъ всею внѣшнею мощью современнаго государства и современной культуры, но и этотъ новый врагъ не одолѣетъ Церкви, какъ не одолѣлъ ея и прежній. Если бы совѣтская власть была достаточно знакома съ исторіей первыхъ вѣковъ христіанства,

съ результатами гоненій Нерона, Марка Аврелія, Декія, Діоклитіана и Юліана Отступника, то, можетъ быть, она задумалась бы о цѣлесообразности своей борьбы съ Церковью. Но ненависть и гордость ослѣпляютъ разумъ. И опытъ первыхъ вѣковъ христіанства остается безполезнымъ для большевиковъ. Церковь Христова стоитъ на несокрушимомъ основаніи. Обѣтованія Божіи непоколебимы. Голосъ, нѣкогда слышанный гонителемъ Савломъ: «Я — Исусъ, котораго ты гонишь; трудно тебѣ идти противъ рожна» — этотъ голосъ и въ наши дни не потерялъ своей предостерегающей силы. И современные христіане въ Россіи могутъ сказать своимъ гонителямъ тѣ же самыя слова, какія Св. Іустинъ, философъ и мученикъ, говорилъ во второмъ вѣкѣ римскимъ императорамъ: «Вы можете насъ убить, но вреда сдѣлать намъ вы не можете».

Итакъ, въ Россіи происходитъ сейчасъ въ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ ожесточенная, беспощадная борьба безбожія съ вѣрою, антихристіанства съ христіанствомъ. Какой же отвѣтъ находить этотъ ожесточенный натискъ безбожія на вѣру въ русскомъ православномъ народѣ? Насколько мы можемъ судить по доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, — онъ не встрѣчаетъ въ Россіи широкаго и одушевленнаго всенароднаго протеста. Въ Россіи есть жертвы гоненій, но нѣтъ, какъ будто, открытаго и рѣшительнаго противодействія этимъ гоненіямъ. Кромѣ посланія Святѣйшаго патріарха Тихона, обращеннаго имъ къ большевикамъ въ первую годовщину совѣтской власти, мы не знаемъ другихъ открытыхъ и прямыхъ обличеній дѣйствій совѣтской власти противъ религіи. Въ Россіи есть тысячи и десятки тысячъ исповѣдниковъ православной вѣры, священнослужителей и мірянъ, томящихся въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ,

претерпѣвшихъ мученическую смерть за вѣру и Церковь. Мы знаемъ и благоговѣнно почитаемъ память великихъ страдальцевъ: Святѣйшаго патріарха Тихона, священномучениковъ — митрополитовъ Веніамина и Владиміра и иже съ ними; мы знаемъ также, что въ народѣ существуетъ ропоть и недовольство, но все это не выливается въ широкое, всенародное, одушевленное движеніе въ защиту вѣры и Церкви.

И это безмолвіе народа вызываетъ у многихъ, особенно у иностранцевъ, чувство горестнаго недоумѣнія: какъ это великій народъ, столь прославленный своимъ благочестіемъ, народъ-богоносецъ, какъ онъ терпитъ болѣе десяти лѣтъ грубое кощунственное издѣвательство безбожниковъ надъ православною вѣрою, надъ святыми угождниками, надъ храмами и монастырями, надъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ духовно жила и была крѣпка святая православная Русь,—и не протестуетъ? Это молчаніе русскаго народа не можетъ быть объяснено только жестокостью совѣтской власти, не допускающей противодействія, или забитостью и неспособностью русскаго народа отстаивать свою вѣру, свою святыню. Тотъ же самый русскій народъ въ XVII вѣкѣ за измѣненіе одной буквы церковныхъ книгъ не боялся обличать Московскаго патріарха и весь церковный соборъ, не повиновался царю, готовъ былъ идти въ ссылку и на костерь, бѣжалъ въ лѣса и пустыни отъ ненавистной антихристовой власти, устраивалъ вооруженное соловецкое сидѣнье и московскіе бунты и сумѣлъ, несмотря на гоненія и притѣсненія, отстоять и сохранить для нѣсколькихъ милліоновъ старообрядцевъ старыя книги и обряды. Тогда русскіе люди, очевидно, знали, чего они хотятъ и за что борются. Въ томъ же XVII вѣкѣ малороссійскіе казаки сумѣли защитить православную вѣру и

Церковь отъ униатскаго и польскаго насилія, не остановившись и передъ вооруженнымъ сопротивленіемъ.

Очевидно, въ русскомъ народѣ нѣтъ недостатка въ рѣшимости и готовности отстаивать и защищать то, что онъ считаетъ своею святынею, но только тогда, когда въ душѣ у него нѣтъ раздвоенія, нѣтъ неясности, когда онъ отчетливо видитъ истину, и когда эта истина ничѣмъ для него не затемнена. Вотъ этой то ясности и отчетливости сейчасъ, повидимому, и нѣтъ въ душѣ русскаго народа. Сейчасъ русскій народъ въ чрезвычайныхъ страданіяхъ и исканіяхъ вынашиваетъ свой истинный жизненный путь. Въ душѣ народа сейчасъ нѣтъ той цѣльности, той простоты, какая была въ ней не только 250, но и 50 лѣтъ тому назадъ. Минувшіе годы и особенно послѣдніе пятнадцать лѣтъ міровой и гражданской войны и революція со всѣми ея ужасами и преступленіями, со всѣми новыми стремительно нахлынувшими взглядами, ученіями, отношеніями — все это глубоко всколыхнуло, потрясло, ошеломило и запутало народную душу. Народъ еще не пришелъ въ себя, не переработалъ еще въ себѣ всѣхъ воспринятыхъ имъ впечатлѣній и переживаній, не нашелъ еще для себя точки опоры, и много лѣтъ, можетъ быть, еще пройдетъ, прежде чѣмъ онъ, переживъ и искупивъ все совершившееся въ эти 15 лѣтъ, обрѣтетъ внутренній миръ, снова утвердится во Христѣ, найдетъ ясное, опредѣленное отношеніе къ своимъ святынямъ и почувствуетъ силу и рѣшимость выступить на защиту этихъ святынь. Нельзя не считаться съ пережитыми годами и подходить къ народной душѣ такъ, какъ будто ничего за это время не произошло. Произошелъ, и не могъ не произойти огромный сдвигъ въ народной душѣ. Не надо спѣшить со своими приговорами и заключеніями. Надо

дать время народной душѣ устояться и осознать себя снова.

Тѣ гоненія, какимъ сейчасъ подвергается вѣра въ Россіи, конечно, не пройдутъ безслѣдно въ народной душѣ. По слову Евангелія, нѣкоторые претыкаются объ этотъ камень, а другіе утверждаютъ. Гоненія и издѣвательства надъ вѣрою возстанавливаютъ и укрѣпляютъ въ народной душѣ союзъ со Христомъ. Соблазненныхъ безбожіемъ сравнительно небольшое число, а большинство въ молчаніи раститъ въ себѣ вѣру. Въ народной душѣ сейчасъ происходитъ тотъ же процессъ, какой происходилъ и въ душѣ первыхъ христіанъ во время трехвѣковыхъ гоненій. Вѣдь, и первые христіане почти не проявляли внѣшняго протеста противъ гоненій на вѣру. Но эти гоненія выращивали въ ихъ сердцахъ и углубляли внутреннюю, пламенную вѣрность Христу. Этотъ ростъ внутренней вѣрности Христу и былъ отвѣтомъ первыхъ христіанъ на издѣвательство и преслѣдованія язычниковъ. Чѣмъ больше язычники гнали христіанъ, тѣмъ чище и ярче становилась ихъ вѣра, тѣмъ больше Христосъ становился средоточіемъ жизни христіанъ. Онъ становился ихъ жизненною опорою, ихъ радостью, утѣшеніемъ, судьбою и руководителемъ ихъ совѣсти. Онъ помогалъ имъ преодолевать соблазны и искушенія. И отъ этого внутренняго союза со Христомъ христіане становились внутренне сильными и непобѣдимыми. И этою своею внутреннею силою они преодолевали и покоряли языческой міръ.

Сейчасъ русскій народъ переживаетъ одинъ изъ самыхъ рѣшающихъ моментовъ русской исторіи. Вопросъ идетъ о томъ, останется ли русскій народъ со Христомъ, или потеряетъ Его. Это коренной вопросъ нашего времени. Всѣ остальные вопросы жизни, политическіе, социальныя и др. меркнутъ передъ этимъ воп-

росомъ. Если русскій народъ останется со Христомъ, все остальное приложится ему. Если онъ потеряетъ Христа, онъ ничѣмъ другимъ не восполнитъ этой утраты — никакими политическими и социальными благоустройствами. Вопросъ о Христѣ не есть только вопросъ русскаго будущаго — это вопросъ будущаго всего человѣчества, ибо теперь уже несомнѣнно, что русскій народъ стоитъ въ центрѣ духовной жизни всего человѣчества. Отъ того, куда пойдетъ русскій народъ, зависитъ направленіе жизни всего человѣчества. Будущее русскаго народа таинственно. Куда повернется его сердце — не видно. Сейчас онъ находится въ состояніи внутренней борьбы. Въ страшныхъ мукахъ онъ рождаетъ свое новое будущее. И это будущее можетъ быть и христіанскимъ и антихристіанскимъ. Въ немъ можетъ открыться и тысячелѣтнее царство Христово и царство Антихриста.

Русская эмиграція и, въ частности, наше Русское Студенческое Христіанское Движеніе являются частью русскаго народа. Они должны вмѣстѣ съ русскимъ народомъ и страдать и бороться. Вмѣстѣ съ нимъ, и помогая ему, они должны вынашивать въ сердцѣ своемъ Христа и возрастать во Христѣ. Какія бы мы здѣсь ни устраивали организации, какія бы ни говорили красивыя и пламенные рѣчи — все это ничто, если Господь Иисусъ Христосъ не будетъ дѣйствительнымъ средоточіемъ нашей жизни: Русскій народъ борется за свою душу. И мы тоже должны бороться за свою душу, за то, чтобы Христосъ сталъ всѣмъ въ нашей жизни. Эти слова надо понимать во всей полнотѣ ихъ значенія. Обыкновенно мы понимаемъ ихъ слишкомъ поверхностно. Быть со Христомъ — это не значить сдѣлать изъ христіанства нѣкоторый духовный придатокъ, духовное украшеніе нашей повседневной жизни. Нужно, чтобы Хри-

стосъ взволновалъ нашу душу. Пусть отъ этого мы потеряемъ покой, пусть это будетъ связано для насъ съ неудобствами, а, можетъ быть, даже и со страданіями. Мы должны рѣшиться и на это. Нельзя служить Христу только до тѣхъ поръ, пока это не нарушаетъ нашего покоя. Христіанство есть крестъ. «Кто Мнѣ служить, Мнѣ да послѣдуетъ». Христосъ не мирится съ раздвоеніемъ. «Не можете служить Богу и мамонѣ».

«Кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ». Христосъ не только милостивъ, но и требователенъ.

Борьба съ безбожіемъ и антихристіанствомъ и преодоленіе ихъ неразрывно связаны съ нашимъ собственнымъ возрастаніемъ во Христѣ. Энергіи безбожія необходимо противопоставить энергію вѣры. Одними внѣшними мѣрами нельзя преодолѣть безбожія. Путемъ внутренняго возрастанія во Христѣ, пламенной ревностью о Христѣ, проявляемою и внѣшними дѣлами вѣры и любви, древніе христіане преодолѣли язычество. Этимъ только путемъ и русскій народъ можетъ преодолѣть русское безбожіе. И онъ уже идетъ по этому пути, ибо уже доходятъ до насъ извѣстія о возрастающей силѣ христіанскаго одушевленія въ разныхъ уголкахъ Россіи.

Пусть же этотъ огонь христіанскаго одушевленія разгарается и здѣсь, за рубежомъ, въ русской эмиграціи и въ Русскомъ Студенческомъ Христіанскомъ Движеніи.

Протоіерей Сергій Четвериковъ.

1930. 14 (27) I.

Парижъ.

Р. С. Уже заканчивая свою статью, я увидѣлъ, что различіе между двумя мірами, борющимися въ Россіи, антихристіанскимъ и христіанскимъ не исчерпывается

только областью вѣры. Другое, не менѣе глубокое и не менѣе существенное различіе заключается въ томъ, что одинъ міръ есть міръ ненависти и разрушенія, а другой міръ есть міръ любви и созиданія. Таково, по крайней мѣрѣ, исповѣда-

ніе того и другого міра. Но это различіе настолько значительно и настолько существенно, что о немъ нельзя говорить кратко, и ему необходимо посвятить особую статью.

С. Ч.

Философія или апологетика.

Тотъ подходъ къ проблемѣ соотношенія религіи и науки, который не только господствуетъ въ нашемъ Берлинскомъ религіозно-философскомъ кружкѣ, но и является какъ бы официальной движенческой доктриной, характеризуется двумя чертами. Первою изъ этихъ можно назвать апологетической предустановленностью этого подхода. Вторая состоитъ въ томъ, что соотношеніе это мы стремимся мыслить въ идеалистическихъ краскахъ **внутренняго** благополучія всей проблемы, благополучія нарушаемаго только извнѣ враждебными христіанству силами, какими-то не то злонамѣренными, не то научно и религіозно невѣжественными людьми, предпринявшими походъ противъ религіи, вооружившись средствами науки, для этого дѣла непригодными.

Совершенно ясно, что первая черта въ значительной степени опредѣляетъ собой вторую, которая является лишь послѣдовательнымъ, логичнымъ завершеніемъ апологетической устремленности нашей движенческой мысли. Ставъ на точку зрѣнія абсолютной истинности религіи, — нашего православнаго христіанства, — на точку зрѣнія неизбѣжную для вѣрующаго человѣка, — ибо всякая вѣра, всякое религіозное переживание отличается абсолютностью своихъ запросовъ, — можно только либо отвергать науку, поскольку ея положенія противорѣчатъ исти-

намъ вѣры, либо утверждать, что противорѣчій этихъ нѣтъ, что они всего лишь основанная на недоразумѣніи видимость.

Ясно также, почему Движеніе весьма опредѣленно избрало вторую возможность. Это произошло и происходитъ не столько даже вслѣдствіе присущей Движенію тенденціи замалчивать острые вопросы (черта, на которую не безъ основанія указывалъ Н. А. Бердяевъ въ июльскомъ номерѣ «Вѣстника»), сколько потому, что избраніе первой возможности лишило бы Движеніе всякой «*raison d'être*». Вѣдь, признать, что противорѣчія между религіей и наукой есть, а выхода изъ нихъ нѣтъ, потому что мы все же не можемъ отвергать науку во имя религіи, значило бы никуда не двигаться и никуда не вести ту самую молодежь, для которой Движеніе создано и существуетъ.

Но разъ избравъ этотъ второй путь, Движеніе не склонно углублять проблему, провозгласивъ возможности дружескаго симбіоза религіи и науки; оно скорѣй готово почитать на лаврахъ этого официальнаго движенческаго благополучія, чѣмъ сомнѣваться и искать.

Въ этомъ отношеніи очень характерна судьба замѣчательной попытки проф. С. Л. Франка*) указать выходъ изъ тупика.

*) «Религія и наука въ современномъ сознаніи». «Путь» за 1926 г.

которая, по крайней мѣрѣ у насъ, въ Берлинѣ, стоитъ въ центрѣ движенческаго рѣшенія вопроса. Можно быть разнаго мнѣнія о нѣкоторыхъ частностяхъ его построения. Если историкъ едва ли, на примѣръ, согласится принять безъ существенныхъ оговорокъ ту историческую схему, которая невольно чувствуется у С. Л., то средній русскій интеллигентъ, міросозерцаніе котораго никогда не отличалось культомъ историзма, и всегда склонно было представлять себѣ прошлую дѣйствительность въ апріорныхъ, построенныхъ философами, а не историками, схемахъ этого прошлаго, менѣе всего станетъ критически углубляться въ эту сторону проблемы. Можно вообще не соглашаться съ гносеологическимъ оптимизмомъ С. Л., въ силу котораго конфликтъ между знаніемъ и вѣрой, наукой и религіей разсматривается имъ не столько, какъ исконная и неизмѣнная трагедія человѣческаго сознанія, сколько всего лишь, какъ результатъ неблагоприятной исторической эпохи, нынѣ изживаемой культурнымъ человѣчествомъ, той «длительной эпохи господства невѣрія», «огромнаго духовнаго наслѣдія», которой мы не въ силахъ сразу преодолѣть. Можно, наконецъ, оспаривать и основныя положенія С. Л., гласящія, что религія и наука «имѣютъ два разныхъ предмета, два разныхъ пути познанія и два разныхъ критерія достовѣрности». Вѣдь, если бы это было такъ, то религіи и наукъ **не о чемъ и нечѣмъ** было бы спорить, католическая церковь не могла бы отвергать положеній астрономіи, антирелигіозная пропаганда средствами науки была бы не болѣе убѣдительна, чѣмъ, на примѣръ, антимузикальная пропаганда средствами живописи или скульптуры, и апологетика была бы не нужна.

Но мы ничего не оспаривали. Рѣшеніе

вопроса С. Л. явилось для Движенія — по крайней мѣрѣ у насъ, въ Берлинѣ, и поскольку у насъ здѣсь вообще еще продолжаютъ религіозно мыслить, а не уходятъ всецѣло въ бойскаутизмъ — той исходной точкой, которая при рѣшеніи цѣлаго ряда вопросовъ была опорой и основой въ посильной работѣ религіозной мысли, но сама уже не подвергалась ни критикѣ ни пересмотру. Мы рады, что философъ, по своему рѣшившій вопросъ, рѣшилъ его и за насъ, и что съ насъ, по крайней мѣрѣ, снята эта нелегкая задача.

При всемъ томъ остается однако обобщеннымъ одинъ основной вопросъ первостепенной важности. Если религія и наука столь различны, кто же рѣшаетъ вопросъ о ихъ общемъ принципіальномъ соотношеніи, религіозно постигающій или научно мыслящій субъектъ, и опираясь на какіе критеріи достовѣрности, научные или религіозные? Или здѣсь выступаетъ на сцену нѣкій третій, верховный судья, именно религіозная философія? Но въ такомъ случаѣ возникаетъ новый вопросъ, вопросъ о существѣ и компетенціи послѣдней.

Что же такое «религіозная философія»?

Самый терминъ кроетъ въ себѣ нѣкоторую двусмысленность. Что онъ такое? Не особенно удачный переводъ нѣмецкаго «Religions-philosophie»? Въ такомъ случаѣ онъ обозначаетъ — въ самомъ широкомъ смыслѣ — ту область философіи, которая есть приложение нѣкоторой (любой) общей философской теоріи къ дѣлу пониманія, осмысленія и оцѣнки религіи, и которая является такимъ образомъ, даже въ наиболѣе благоприятномъ для религіи случаѣ, т. е. въ случаѣ самой высокой положительной оцѣнки послѣдней, всего лишь попыткой философски, т.

е. научно, оправдать и обосновать религію. Такая постановка вопроса нами обычно отвергается.

Или наш терминъ обозначаетъ нѣкую философскую систему, въ цѣломъ объемѣ опредѣляемую формулированными въ видѣ теоретическихъ положеній истинами вѣры, которыя она принимаетъ догматически, изъ которыхъ она исходитъ или которыя она стремится подтвердить во что бы то ни стало?

Въ первомъ случаѣ, ее удобнѣй называть философіей религіи, во второмъ случаѣ — апологетикой, богословіемъ, какъ угодно, но только не философіей. Ибо въ этомъ случаѣ терминъ «религіозная философія» заключалъ бы въ себѣ явную «*contradictio in adjecto*».

Вѣдь, если мнѣ, когда я вѣрю, вообще не нужна никакая философія, потому что непосредственная убѣдительность уже содержится въ самомъ актѣ вѣры, потому что въ немъ не нужна даже никакая формулировка ея въ видѣ сужденій, то когда я философствую, я не могу исходить изъ положеній вѣры, какъ изъ первичной и незыблемой истины, я долженъ принципиально начать съ сомнѣнія во всемъ, въ томъ числѣ и въ нихъ, иначе я никогда никакой философіи не построю. Философія, какъ таковая, не можетъ быть ни религіозной, ни антирелигіозной. Она — сама по себѣ. Обращая свою вполне автономно построенную теорію на религію, она можетъ приходиться къ религіознымъ или къ антирелигіознымъ выводамъ, но отъ этого она сама въ своихъ исходныхъ пунктахъ, гносеологическихъ методахъ и построеніяхъ еще не станетъ ни тѣмъ, ни другимъ, подобно тому, какъ философія, рассматривающая, на примѣръ, съ своей точки зрѣнія, новѣйшія завоеванія техники и подвергающая ихъ своей оцѣнкѣ, не становится отъ этого ни технической, ни антитехнической. Если же она съ

самого начала подчиняется догматамъ вѣры и ставитъ все свое построеніе въ зависимость отъ теоретическихъ положеній религіи, она отказывается тѣмъ самымъ отъ своего конститутивнаго признака и перестаетъ быть философіей. Съ чисто же религіозной точки зрѣнія она не то что антирелигіозна, а грѣховна въ своихъ истокахъ, — по крайней мѣрѣ, поскольку она полагается только на свое мышленіе и, желая познать все — и добро, и зло — своими силами, не считаясь со словомъ Божиимъ, до извѣстной степени повторяетъ первородный грѣхъ.

Итакъ, суперарбитражъ «религіозной философіи», этого все еще чарующаго русскій умъ, но чисто фиктивнаго словосочетанія, неосуществимъ за отсутствіемъ самого суперарбитра. При ближайшемъ разсмотрѣніи «религіозная философія» оказывается либо на сторонѣ науки, либо на сторонѣ религіи, и размежеваться этимъ двумъ сосѣдямъ приходится, самостоятельно, безъ посредниковъ. При данной организациі нашихъ познавательныхъ способностей, въ человѣческомъ сознаніи нѣтъ компетентной инстанціи, способной стать *au-dessus de la mêlée* и дать рѣшеніе спора между религіей и наукой, объективно-значимое для обѣихъ сторонъ. Ибо рѣшать то его неизбежно будетъ либо философски-научно и вполне самодержавно мыслящій субъектъ, либо въ свободномъ исканіи своемъ урѣзанный безропотно принятыми отъ вѣры и отъ религіи теоретическими положеніями и обязательствомъ защищать ихъ во что бы то ни стало. Религіозный субъектъ съ негодованіемъ отвергаетъ не только «научный атеизмъ», но и научно оправданную религію, объявляя ее «безсмысленнымъ сочетаніемъ понятій, чѣмъ-то въ родѣ «деревяннаго желѣза». Научно мыслящій, наоборотъ, стремится ввести и религію въ кругъ своихъ изслѣдо-

ваній и либо научно обосновать ее, либо вовсе отвергнуть, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ сохраняя за собой право бросить на свои вѣсы все, въ томъ числѣ и истины вѣры. Религіозный, но въ то же время и научно мыслящій человекъ принужденъ постоянно колебаться между тѣмъ и другимъ и каждый вопросъ, внутри котораго наличествуетъ религіозно-научный конфликтъ, въ каждый данный моментъ своей жизни, рѣшать либо съ той, либо съ другой стороны. Въ каждый данный моментъ нашей мысли либо религіозное постиженіе будетъ подчиняться научному познанію, либо наоборотъ.

Пояснимъ это конкретнымъ примѣромъ, случаемъ, имѣвшимъ мѣсто въ нашемъ Берлинскомъ религіозно-философскомъ кружкѣ.

Въ тотъ вечеръ у насъ зашла рѣчь о церкви. Согласно нашимъ религіознымъ представленіямъ церковь — святая. Это одно изъ основныхъ положеній нашего вѣроученія, включенное въ Символь Вѣры. Между тѣмъ наука — историческая наука — достаточно выяснила, что вся историческая жизнь церкви полна не только компромиссами, но и просто грѣхами. Какъ мы вышли изъ этого положенія? Одинъ изъ присутствующихъ сказалъ приблизительно слѣдующее: Конечно, эмпирическая церковь грѣшна, какъ все земное. Безгрѣшна и свята только невидимая церковь святыхъ, церковь внѣ времени, въ иномъ планѣ бытія, понимаемая онтологически. — На это разъясненіе не послѣдовало ни одного возраженія. Религіозное чувство присутствовавшихъ было удовлетворено, и разговоръ перешелъ на другія темы. Никому не пришло въ голову подвергнуть критикѣ такое отступленіе на заранѣе подготовленная метафизическій позиціи, для науки, конечно, совершенно неприступныя. Религіозное

чувство взяло верхъ въ этотъ моментъ и удовлетворилось тѣмъ, что эти-то позиціи, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно, неприступны.

Такова вѣра, таковъ самый актъ вѣры. При всѣхъ ея высокихъ достоинствахъ — и теоретическихъ, поскольку мы въ ней постигаемъ навѣки непознаваемое научно, и практическихъ, поскольку именно вѣра побуждаетъ насъ къ добру и къ подвигу — она имѣетъ одинъ неустранимый недостатокъ: она легковѣрна и не критична, она неразборчива въ доводахъ въ пользу своихъ положеній, потому что она готова «вѣрить» самымъ слабымъ изъ нихъ, она неразборчива и въ доводахъ противъ таковыхъ, потому что всегда готова безъ достаточныхъ основаній съ ними не считаться. Она легко забываетъ, что апологетика во что бы то ни стало, какими угодно средствами и какой угодно цѣной (напримѣръ, цѣной явныхъ логическихъ ошибокъ), вредна и недопустима въ интересахъ самой религіи.

Въ тотъ вечеръ мы не подумали о томъ, что все это разсужденіе построено прежде всего на элементарной ошибкѣ, которая въ учебникахъ логики называется *mutatio enclenchi* (по схемѣ: θ ома, конечно, грѣшенъ, но зато Ерема безгрѣшенъ и свята). А если намъ на это возразить, что въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ объ одной и той же церкви, только въ двухъ такъ сказать, аспектахъ или въ двухъ планахъ бытія, то мы вправѣ отвѣтить, что, устраняя указанную логическую ошибку, оно впадаетъ въ другую, которая называется *petitio principii*. Въ одно и то же неизбѣжно должно характеризоваться одними и тѣми же признаками. Иначе мы нарушимъ логическій законъ тождества. Между тѣмъ въ одномъ случаѣ церковь пребываетъ внѣ времени, невидима и свята, въ другомъ она во времени, видима и грѣшна. И что и та и

другая суть въ сущности одна и та же церковь, это требуетъ по законамъ логики еще особаго доказательства. А пока доказательства этого не дано, конфликтъ, между религіей и наукой по этому вопросу не устраненъ, и надъ нимъ витаетъ призракъ «Тертулліанова»*) *credo quia absurdum*.

Или другой примѣръ. У насъ въ кружкѣ не разъ приходилось слышать въ затруднительныхъ случаяхъ фразу: «Видите ли, вообще критеріевъ истины нѣтъ». При этомъ однако, никогда не дѣлалось оговорки, по отношенію къ чему ихъ нѣтъ. Этотъ апологетическій приемъ, который — *cum grano salis* — можно было бы назвать привлеченіемъ эмпирическаго міра къ содѣйствію предрелигіозному скептицизму, заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Вѣдь, критеріи истины несомнѣнно есть для всего, что подчиняется логическимъ законамъ мышленія. Доказать это можно очень просто.

Допустимъ, что критеріевъ истины нѣтъ. Тогда ихъ нѣтъ и для того, чтобы убѣдиться въ истинности положенія: «критеріевъ истины нѣтъ». Если въ истинности этого положенія нельзя

*) На самомъ дѣлѣ у Тертулліана не встрѣчающагося. Формулировку «*credo quia absurdum*» удается прослѣдить только до XVII вѣка. Предполагають, что ее стали приписывать Тертулліану по сходству съ знаменитыми антитезами («*de carne Christi*» 5), впервые остро формулировавшими ту истину, что вѣра неуничтожима непредставимостью и антиномичностью ея положеній для нашего ума. Привожу ихъ въ моемъ несовершенномъ переводѣ: «Сынъ Божій распятъ; это не позоръ, потому что это позоръ. Сынъ Божій умеръ; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что это нелѣпно (*propterea credibile, quia ineptum est*). Онъ погребенъ и воскресъ; это достоверно, потому что это невозможно».

убѣдиться, то оно м. б., ложно. Если оно, м. б., ложно, то критеріи истины, м. б., есть. Слѣдовательно, если критеріевъ истины нѣтъ, то они, м. б. есть. Положеніе: «критеріевъ истины нѣтъ» стало быть внутренне противорѣчиво. Внутренне противорѣчивое сужденіе не можетъ быть истиннымъ. Сужденія: «критеріи истины есть» и «критеріевъ истины нѣтъ» суть сужденія, взаимно противорѣчающія. Если изъ двухъ взаимно противорѣчающихъ сужденій одно оказывается внутренне противорѣчивымъ и стало быть ложнымъ, то на основаніи закона исключеннаго третьяго, истинно другое. Слѣдовательно, критеріи истины есть, что и требовалось доказать.

Но, конечно, стоитъ усумниться въ самихъ законахъ логики или стоитъ допустить, что они не распространяются на предметъ религіи, и наше доказательство, въ свою очередь, построенное съ помощью этихъ законовъ, падаетъ само собой — либо вообще, либо въ примѣненіи къ предмету религіи. Поэтому весь вопросъ сводится къ тому, распространяются ли законы логики на религіозно постигаемое. По этому вопросу нашъ апологетическій «*Drang*» обнаруживаетъ поразительное философское легкомысліе. Не отвѣчая ни да, ни нѣтъ, даже не ставя этого вопроса, мы на практикѣ то распространяемъ законы логики на истинъ нашей вѣры, то рекомендуемъ отъ этого воздерживаться, руководствуясь при этомъ исключительно соображеніями апологетической цѣлесообразности. т. е. распространяя ихъ, если это подтверждаетъ истину вѣры, и отказываясь это дѣлать, если замѣчаемъ, что это ее колеблетъ. Кому изъ насъ не приходилось слышать или говорить фразы въ родѣ слѣдующей: этого нельзя допустить, потому что это противорѣчило бы

милосердію (или всевѣдѣнію) Божію? И кто изъ насъ черезъ нѣсколько минутъ не сослался на то, что «здѣсь противорѣчіе только для нашего, человѣческаго ума, для Бога его нѣтъ», честно забывъ, что онъ нѣсколько минутъ тому назадъ призывалъ въ качествѣ поручителя истинности положенія вѣры, отнюдь не Божественный, а нашъ, земной, человѣческій законъ противорѣчія?

Впрочемъ, ограничимся пожеланіемъ

нашей движенческой апологетикѣ большей осмотрительности и не будемъ дальше углубляться въ эти вопросы.

Самые примѣры, вѣдь, намъ нужны были только для того, чтобы показать, что окончательно столкновение вѣры и знанія, подобныя приведеннымъ, вообще неустраняемы.

К. Г. СЕРЕЖНИКОВЪ.

Берлинъ, ноябрь 1929.

Нѣсколько словъ въ отвѣтъ г-ну СЕРЕЖНИКОВУ

Мнѣ хочется откликнуться на статью г. СЕРЕЖНИКОВА, помѣщенную выше въ этомъ же номерѣ. Она посвящена вопросу, давно уже утратившему свою остроту, но сама статья написана остро и сильно и это привлекаетъ къ ней вниманіе. Мнѣ хотѣлось бы коснуться лишь существа статьи и совершенно оставить въ сторонѣ ироническія замѣчанія автора относительно Движенія и его легкомысленнаго благодушія. Объ этомъ просто не стоитъ спорить, — ибо, если авторъ не замѣчаетъ, что не только Движеніе, но вся вообще наша эпоха вовсе не болѣетъ вопросомъ, которымъ такъ горячо живетъ авторъ, то едва ли нужно его въ этомъ поправлять. Острота постановки его основного вопроса не смягчается, вѣдь, тѣмъ, что «благодушіе» Движенія раздѣляется нашей эпохой: для него, а равно и для тѣхъ, кто раздѣляетъ его точку зрѣнія, вопросъ остается важнымъ и существеннымъ.

Основная тема статьи г. СЕРЕЖНИКОВА касается вопроса о взаимоотношеніи христіанства и философіи, христіанства и научнаго пониманія міра. Это взаимоотношеніе рисуется г. СЕРЕЖНИКОВУ такъ, что

они исключаютъ другъ друга. «Если я вѣрю, лишеть онъ, то мнѣ не нужна никакая философія». Съ другой стороны «философія принципиально должна начать съ сомнѣнія во всемъ». Въ этихъ положеніяхъ г. СЕРЕЖНИКОВЫМъ данъ ключъ ко всѣмъ его выводамъ и утвержденіямъ: для него вѣра и знаніе, религія и наука взаимно не нуждаются другъ въ другѣ*).

Г. СЕРЕЖНИКОВЪ остро и горячо протестуетъ именно противъ такого раздѣленія науки и вѣры — онъ гораздо цѣлостнѣе понимаетъ ихъ компетенцію и, какъ мы видѣли, считаетъ, что для вѣры совсѣмъ не нужно научное постиженіе міра, а для научнаго подхода къ міру недопустимо внесеніе началъ вѣры. Совпаденіе въ результатахъ научнаго и религіознаго постиженія міра для него является факторомъ случайнымъ, не имѣющимъ внутренняго основанія: исходное взаимное исключеніе вѣры и знанія остается

*) Боюсь, что въ статьѣ г. СЕРЕЖНИКОВА есть реакція противъ той точки зрѣнія, что религія и наука лежатъ въ разныхъ плоскостяхъ, что поэтому невозможно ихъ столкновение, но возможенъ ихъ синтезъ.

ся въ силѣ и тогда, когда въ своихъ концахъ оба пути приводятъ къ частичному или даже полному совпаденію. Эти совпаденія могутъ смѣняться столкновеніемъ, которое вскроетъ несоединимость вѣры и знанія. Конечно, г. Серезниковъ имѣетъ въ виду не тѣ истины вѣры, которыя говорятъ о Богѣ независимо отъ міра, а тѣ, которыя учатъ о Богѣ, какъ Творцѣ міра. Христіанство имѣетъ свое ученіе о мірѣ, это ученіе о мірѣ было напрасно соединяемо даже въ началѣ новаго времени съ рядомъ научныхъ идей и легко можетъ быть представлено безъ нихъ. Но, взятое въ своемъ существѣ, а не его историческихъ выраженіяхъ, христіанское ученіе о мірѣ все же выдвигаетъ нѣкоторыя общія идеи о мірѣ (о томъ, что міръ сотворенъ, объ особомъ мѣстѣ человѣка въ мірѣ и объ особомъ твореніи его Богомъ, ученіе о грѣхопадѣніи первыхъ людей, какъ источникѣ зла въ мірѣ и т. д.). Отдѣлить христіанство отъ этихъ идей, спиритуалистически выдѣлить въ христіанствѣ его «сущность», независимо отъ нихъ, невозможно, ибо это было бы поддѣлкой и искаженіемъ. Христіанство претендуетъ (въ части своей, а именно въ ученіи о мірѣ) на ту же территорию, которую объявляетъ своей наука, — и отсюда неизбежность столкновеній христіанства и науки.

До сихъ поръ я согласенъ съ г. Серезниковымъ, но, начиная отъ этого пункта наши пути расходятся. Г. Серезниковъ учитъ о наукѣ, которой никогда не знала и не будетъ знать исторія, о наукѣ, которая не имѣетъ никакихъ предпосылокъ, насквозь критична и заранѣе исключаетъ всякую «вѣру». Фактически же наука, по самой природѣ своей, опредѣляется міросозерцаніемъ эпохи, ея исканіями и тревогами, ея духовнымъ типомъ.

Въ частности, ученіе о противоположности и взаимномъ исключеніи науки и

христіанства является однимъ изъ выраженій именно такой зависимости научныхъ и философскихъ построеній отъ эпохи. Конечно, можно на все это сказать, что историческія вліянія на научную жизнь вовсе не касаются существа науки, которую можно и должно имѣть въ виду ея идеалѣ. Фактическія вліянія тѣхъ или иныхъ историческихъ условий на научныя построенія связаны не съ природой науки и должны быть отбрасываемы. Надо имѣть всегда въ виду «чистую» науку, нейтральную въ отношеніи къ страстямъ и тенденціямъ эпохи и знающую одну только истину. Такое ученіе о наукѣ правильно, конечно, обрисовываетъ ту ея сторону, что для науки обязательны нормы и правила мышленія, обязательна ея внутренняя независимость. Но это не исключаетъ того основного въ исторіи науки факта, что наука всегда исходитъ изъ того, **что ей дано**. А изъ этого слѣдуетъ, что логически возможны (и исторически всегда существовали) двѣ формы науки — безрелигіозная и религіозная. Религіозная наука исходитъ изъ того, что Богъ есть, безрелигіозная исходитъ изъ фактовъ чувственного порядка и объявляетъ всѣ реальности нечувственного порядка подлежащими еще изслѣдованію. Это значить, что понятіе «данности» такая наука относитъ лишь къ чувственному опыту (къ тому, что мы видимъ, слышимъ и т. д.). Но, не отрицая права у тѣхъ, кто не видитъ ничего, кромѣ чувственной реальности, исходить изъ нея, мы утверждаемъ, что нечувственная реальность намъ дана въ **такой** же непосредственности, какъ и чувственная. Въ частности, бытіе Божіе для огромнаго большинства человечества есть непосредственно и непобѣдимо данная реальность, болѣе живая въ своей близости и полнотѣ, чѣмъ всякая иная. Тѣ, кто не признаютъ этого, въ правѣ для **себя** исходить изъ чувственного

опыта, но не въ правѣ отвергать реальность бытія Божія, о которой другіе говорятъ, что она имъ дана. Тѣ, кто въ спектрѣ видятъ не семь, а пять цвѣтовъ, могутъ исходить только изъ пяти, но какъ отнять право исходить изъ семи цвѣтовъ у тѣхъ, кто видитъ всѣ семь цвѣтовъ? Религіозная жизнь знаетъ свои разныя ступени, и не всѣ съ одинаковой силой переживаютъ первичность и фундаментальность бытія Божія въ системѣ нашего опыта, но тѣ, кто уже достигъ этого, — почему они лишены права строить науку на фактѣ бытія Божія? Природа науки исчерпывается ея методомъ, но не включаетъ въ себя ученія о томъ, что ея основой можетъ быть лишь чувственная реальность. Науку мы имѣемъ тамъ, гдѣ беря за основу все то, что намъ дано, наша мысль восходитъ методически и критически къ установленію того, что не дано, къ постиженію системности въ сферѣ реальности. Религіозная наука не только принципиально возможна, но и исторически дана намъ отъ начала христіанства. Тутъ какъ разъ уместно подчеркнуть всю ошибочность утвержденія, что «вѣра не нуждается ни въ какой философіи». Вѣра, какъ обладаніе религіознымъ опытомъ, наоборотъ, выдвигаетъ передъ нашимъ разумомъ массу вопросовъ, — въ вѣрующемъ сознаніи еще больше потребность въ изученіи и истолкованіи міра, чѣмъ у невѣрующаго, потому что къ проблемамъ чувственной и соціальной реальности у него присоединяются сложнѣйшія проблемы духовнаго порядка. Христіанство есть религія Логоса, и идея христіанскаго гнозиса, съ такой силой выраженная уже въ III вѣкѣ, нашла изумительное выраженіе въ догматическомъ церковномъ творествѣ, тоньше и выше котораго нѣтъ ничего въ исторіи христіанскихъ народовъ. Правда, изученіе міра мало развивалось въ христіанствѣ, но за всю исторію европейской науки сколько

было гигантовъ науки типа Паскаля, Ньютона, Пастера, которые исходили изъ вѣры въ Бога, для которыхъ научная жизнь была служеніемъ Богу-Истинѣ. Существуетъ психологическій типъ такъ наз. «слѣпой вѣры», которая живетъ сознаніемъ Бога, но не связываетъ фактовъ вѣры съ сферой ума и изслѣдованія. Но наличность такого типа не характеризуетъ самую природу вѣры. Чѣмъ глубже человекъ въ своей религіозной жизни, тѣмъ сильнѣе въ немъ потребность углубиться въ бытіе Божіе, ибо во всемъ для него открывается тайна премудрости Божіей. Научные интересы вѣрующихъ людей нисколько не меньше, чѣмъ у невѣрующихъ, и рѣшительно никакихъ основаній нѣтъ у г. Серезникова утверждать, что философія должна начать съ сомнѣнія во всемъ. Я не отвергаю принципиальной допустимости и такой позиціи, впервые съ законченной ясностью выраженной Декартомъ, но не понимаю, почему я перестану быть философомъ, если, критически проработавъ разныя системы, построенныя на сомнѣніи, вернусь въ построеніи системы своей, ко всей той реальности, которая мнѣ дана. Было, на примѣръ, очень моднымъ раньше утверждать, что чужая душевная жизнь намъ не дана непосредственно, что о ней приходится лишь догадываться на основаніи умозаключенія, вчувствованія и т. д. А со времени гениальныхъ построеній Болдина становится для многихъ уже безспорнымъ то, что исходной основой для насъ является не «я», а «мы», что «сочеловѣки» (Mitmenschen — выраженіе Авенариуса) «даны» мнѣ такъ же непосредственно, какъ я самъ. То же надо сказать о реальности Бога — она дана намъ отнюдь не слабѣе, чѣмъ чувственная или соціальная реальность, она только дана иначе. Когда солнце закрыто днемъ тучами, намъ все-таки свѣтло именно отъ солн-

ца; такъ и вся чувственная и социальная реальность «свѣтитъ» намъ потому, что надъ ними есть Солнце, которое, однако, закрыто отъ насъ тучами. Постигеніе реальности Бога открывается по мѣрѣ духовнаго роста съ такой силой, которая упраздняетъ самую проблему «доказательства» бытія Божія. Правда, не для всѣхъ открыта и ясна эта реальность Бога, а потому и принципиально допустима и исторически неизбежна безрелигіозная наука, не знающая ничего о Богѣ и исходящая лишь изъ фактовъ чувственного порядка. Но обѣ науки абсолютно равноцѣнны въ смыслѣ строгости метода. Конечно, утверждать, что «вѣра неразборчива въ доводахъ въ пользу своихъ положеній» это значитъ просто констатировать — да проститъ мнѣ г. Серезниковъ — свое невѣжество по исторіи христіанской догматики. Рекомендую г. С. взять хотя бы сочиненія св. Аѳанасія Великаго, чтобы познакомиться съ тѣмъ, какъ строга и глубока въ своихъ догматическихъ исканіяхъ вѣра. Повидимому, на пути г. С. попадались люди, которые сами не знали хорошо пути христіанской вѣры и потому были «неразборчивы» въ своихъ доводахъ. А въ подлинномъ христіанствѣ, начиная отъ призыва самого Спасителя «изслѣдовать Писанія» и изслѣдовать «дерево по плодамъ его», чтобы уяснить, отъ Бога ли Его ученіе, и кончая призывами ап. Павла и ап. Іоанна «изслѣдовать», никогда никто не позволялъ себѣ пользоваться «неразборчиво» доводами.

Г. Серезниковъ исходитъ изъ идеи о «вполнѣ самодержавно мыслящемъ субъектѣ», но приходилось ли ему задумываться надъ тѣмъ, что этотъ «самодержавно — мыслящій субъектъ» не создаетъ реальности, а лишь проникаетъ въ

нее, что наше «я», при всей своей сверхвременности и несомнѣнной причастности къ абсолюту, является «тварнымъ», ибо оно дано само себѣ, но себя не созидаетъ? Тварность «самодержавно мыслящаго субъекта» и есть то переходное понятіе, благодаря которому непобѣдимо раскрываются намъ идея абсолютнаго субъекта — о чемъ кстати очень хорошо писалъ тотъ же Декартъ, за которымъ, какъ видимъ, слѣдуетъ г. Серезниковъ.

Такимъ образомъ, основная, исходная мысль г. С. невѣрна: ни вѣра не обходится безъ разума въ своей жизни, ни научное отношеніе къ міру не исключаетъ возможности исходить изъ того, что Богъ есть. Позиція г. Серезникова, исходящая изъ «самодержавной» философіи, конечно, допустима, но такъ же принципиально допустима и та философія, которая строится на учетѣ всей полноты данной намъ реальности, т. е. реальности Бога. Въ силу этого падаетъ другая мысль г. С. о томъ, что въ апологетикѣ царитъ какое-то «внутреннее благополучіе». Апологетика не столько занята «опроверженіемъ» заблужденій — эта полемическая ея фаза уже ослабѣваетъ, — сколько положительнымъ раскрытіемъ христіанскаго взгляда на міръ, т. е. развитіемъ религіозно научной установки. Кромѣ истинъ о Богѣ, которыя въ вѣрѣ никогда не могутъ быть навязаны (ибо это означало бы, что они перестали свѣтить намъ, какъ живыя истины), вѣра углубляетъ наше пониманіе міра и открываетъ путь къ познанію его въ свѣтѣ того, что даетъ намъ вѣра.

На этомъ кончаю свою замѣтку, хотя еще много хотѣлось бы сказать по поводу статьи г. Серезникова.

В. В. Зѣньковскій.

Соціальная работа въ Соединенныхъ Штатахъ.

II.

Духъ американизма возстаєтъ противъ всякой хаотичности и безсистемности. Онъ стремился установить во всемъ плановѣрность и четкую организацію. Вся исторія Америки полна борьбы этого организаціоннаго начала съ хаосомъ. Сначала это было борьбой предприимчивыхъ пионеровъ съ дикой природой ненаселенной страны; потомъ борьбой американскаго быта съ толпами разношерстныхъ и разноплеменныхъ переселенцевъ изъ всѣхъ странъ свѣта. Недаромъ Америка называется «плавильнымъ горномъ». Она постепенно, но неуклонно сбривала бороды переселенцевъ, одѣвала ихъ въ стопроцентные американскіе пиджаки, приучала ихъ къ американскимъ обычаямъ жизни, заставляла ихъ думать и дѣйствовать по-американски, — и черезъ одно поколѣніе дѣти этихъ переселенцевъ уже смотрѣли съ чувствомъ неизмѣримаго превосходства хозяевъ на новыя толпы переселенцевъ, высаживавшіяся въ гаваняхъ приморскихъ городовъ. Но и до настоящаго времени организація и хаотичность, единообразіе и разноликость сосуществуютъ въ Америкѣ. Они именно и создаютъ особый колоритъ американской жизни. Въ ней совмѣщаются крайности, почти несомѣстимыя. Паеосъ организаціи и разноразличной 48 законодательствъ. Образцовыя соціальныя учрежденія и чикагскій бандитизмъ. Культъ демократизма и почти кастовыя, классовыя различія. И — что ~~всѣхъ поразительнѣе~~ — ~~самы эти противорѣчія~~ синтетичны. Духъ трезвой и дѣловой Америки во многомъ загодоченъ и непередаваемъ.

Организаціонный паеосъ проявляется во всѣхъ областяхъ жизни. Поэтому, подходя и къ соціальній работѣ, Амери-

ка прежде всего стремится организовать ее и поставить на дѣловую ногу. Достиженія ея особенно интересны тамъ, гдѣ главное значеніе имѣетъ организація.

Это относится къ самой основной проблемѣ соціальній работы. Долгъ соціальній дѣятельности лежитъ прежде всего на государствѣ. Не только изъ рѣлигіозныхъ или гуманитарныхъ побужденій, но и просто стремясь къ порядку и благосостоянію, оно должно заботиться о предотвращеніи нищеты, преступности и несчастій, помогая тѣмъ, кто уже впалъ въ нихъ. Но въ то же время нищета, увѣчность, преступность привлекаютъ къ себѣ дѣятельное состраданіе частныхъ лицъ. Церкви, секты, благотворительныя и гуманитарныя общества, просто сострадательныя люди добровольно принимаютъ на себя ту же работу, которая лежитъ и на обязанности государства. Отрѣшенія проблемы, какъ согласовать эту дѣятельность, зависитъ вся успѣшность соціальній работы въ странѣ.

Американская практическая соціологія особенно заинтересована этой проблемой. Для правильнаго ея рѣшенія она исходитъ изъ особыхъ свойствъ, какъ государственной, такъ и частной соціальній работы.

Соціальная дѣятельность государства обладаетъ цѣлымъ рядомъ важныхъ преимуществъ. Государство имѣетъ возможность слѣдить за всѣми областями соціальній жизни и устанавливать болѣе или менѣе точно всѣ отдѣльныя случаи нужды. Оно обзрѣваетъ все поле дѣятельности. Оно имѣетъ денежныя средства, равномерно распредѣляемыя для различныхъ соціальныхъ нуждъ. Наконецъ, оно имѣетъ власть законодательства и принужденія, часто совершенно необхо-

димья для успѣха соціальной работы. Но одновременно государственная дѣятельность имѣетъ и крупныя недостатки. Она всегда подвержена бюрократизму и, слѣдя за цѣлымъ, не можетъ удѣлять особаго вниманія отдѣльнымъ интереснымъ случаямъ.

Частная соціальная работа не имѣетъ ни одного изъ преимуществъ работы государственной, и въ этомъ заключается ея главный недостатокъ. Зато она имѣетъ совершенно особыя преимущества, недоступныя для государства. Такъ она можетъ сосредотачивать специальное вниманіе на отдѣльныхъ случаяхъ, оказывая помощь даже внѣ той пропорціи, которую этотъ случай заслуживаетъ по сравненію съ общей нуждой. Потому почти всѣ новые методы вводятся именно частными организаціями. Онѣ являются подлинными пионерами практической социологии. Кромѣ того, онѣ обладаютъ тѣмъ энтузіазмомъ и непосредственной атмосферой доброжелательства и состраданія, которые часто непонятны государственному чиновнику, выполняющему лишь свою служебную обязанность.

Эти относительныя достоинства и недостатки не даютъ возможности абсолютно принять одну систему, отвергнувъ другую. Поэтому Америка приходитъ къ системѣ координаціи, которая должна совмѣщать преимущества обѣихъ и которая выражается въ принципѣ: «centralized policy decentralized administration», т. е. централизованное руководство, децентрализованное управление.

Благодаря сложности федеральной конституціи, реформы лишь медленно и постепенно распространяются на всѣ штаты. Однако, въ настоящее время 45 штатовъ изъ 48 имѣютъ подъ тѣмъ или инымъ именемъ специальное государственное бюро, вѣдающее соціальной работой штата. Это бюро — имѣющее раз-

личную организацію въ зависимости отъ конституціи штата — обычно назначается губернаторомъ или сенаторомъ и имѣетъ цѣлый штабъ ученыхъ специалистовъ. Оно устанавливаетъ размѣры соціальной работы и необходимые методы. Часть работы оно ведетъ само, держа на государственный счетъ госпитали, убѣжища, бюро труда, школы для увѣчныхъ и т. п. Остальное оно предоставляетъ частнымъ организаціямъ, направляя ихъ работу. Такъ оно даетъ разрѣшенія для основанія новыхъ обществъ, предоставляетъ нѣкоторымъ специальнымъ субсидіи, ревизуетъ дѣятельность другихъ, предписываетъ обязательныя формы отчетности и рекомендуетъ особые методы работы. Частныя общества должны представлять въ государственное бюро соціальной работы подробныя свѣдѣнія о каждомъ случаѣ помощи. Такимъ образомъ въ бюро сосредотачиваются свѣдѣнія о каждомъ лицѣ, которому была когда-либо оказана помощь, о каждомъ учрежденіи и каждомъ мѣропріятіи. Любая частная организація можетъ найти тамъ полную картину соціальной нужды и соціальной работы всего штата.

Часть соціальной работы ведется уже не штатнымъ, а федеральнымъ правительственнымъ учрежденіемъ и законодательствомъ, какъ напр. помощь материнству и забота о дѣтяхъ. Въ этихъ случаяхъ за работой слѣдитъ специальное бюро въ Вашингтонѣ, распределяющее фонды между соответствующими учрежденіями отдѣльныхъ штатовъ.

Эта система координаціи проведена еще не всюду. Есть много деталей, о которыхъ ведется споръ. Но, повидимому, этотъ принципъ удачно рѣшаетъ проблему. Государство слѣдитъ за соціальной работой, давая въ то же время просторъ частной дѣятельности. Оно сохраняетъ всѣ преимущества частныхъ учреждений,

давая имъ возможность свободной работы. Одновременно оно устраняетъ хаотичность и вводитъ свою собственную работу, какъ и работу частныхъ обществъ и лицъ, въ одну стройную систему, покрывающую всю область, на которую простирается власть государства.

Посѣщеніе самыхъ разнообразныхъ частныхъ благотворительныхъ учреждений въ Америкѣ почти всегда даетъ одну и ту же картину.

Большая клѣтка лифта медленно ползетъ вверхъ. Мелькаютъ цифры этажей: девятнадцатый, двадцатый, двадцать первый... Въ совершенно одинаковыхъ коридорахъ этихъ этажей — двери и мѣдныя доски съ названіемъ фирмъ: банковъ, торговыхъ домовъ, Investment Companies. Весь домъ-городъ насыщенъ напряженной, быстрой и точной работой. Это лишь отдѣленіе той грандіозной канцелярской фабрики, которая бѣшено работаетъ во всей Америкѣ, во всѣхъ городахъ, каждый день отъ 9 до 12 и отъ 1 до 5.

На двадцать второмъ этажѣ — большое частное благотворительное общество. Но внѣшнее его отличаетъ отъ сосѣднихъ банковъ и конторъ лишь надпись на мѣдной доскѣ. Внутри такой же трескъ пишущихъ машинокъ, кабинетъ управляющаго, секретарша, записывающая имена посѣтителей, раскрытыя на конторкахъ бухгалтерскія книги — та же атмосфера напряженной и точной работы.

Это сходство не только во внѣшней обстановкѣ. Частная благотворительность Америки все больше выходитъ изъ стадій диллетанства. Въ большихъ обществахъ лишь правленіе состоитъ изъ благотворительныхъ дѣятелей обычнаго типа, т. е. людей, отдающихъ благотворительной ра-

ботѣ только свой досугъ и денежные пожертвованія. Фактическая работа ведется платными учеными специалистами и цѣлымъ штатомъ канцелярскихъ служащихъ. Общество имѣетъ организацію, аппаратъ, подобный любому коммерческому предпріятію.

Организація идетъ и дальше. Государство пытается организовать социальную работу въ широкомъ масштабѣ. Но и частныя общества стремятся координировать свою дѣятельность. Все чаще и чаще они образуютъ федераціи, въ которыхъ отдѣльныя общества дѣйствуютъ не разрозненно, а единымъ фронтомъ.

Въ Америкѣ существуетъ два главныхъ типа такихъ объединеній.

Нѣкоторые города приняли типъ, называемый Council of Social Agencies. При этомъ типѣ объединенія всѣ частныя общества, ведущія социальную работу въ самыхъ различныхъ областяхъ — помощь бѣднымъ, покровительство старикамъ, забота о дѣтяхъ, о матеряхъ, работа въ тюрьмахъ, помощь безработнымъ и т. д. — посылаютъ своихъ представителей въ общій Совѣтъ, который координируетъ социальную работу въ данномъ городѣ, устраиваетъ общее справочное бюро, устанавливаетъ нужды и методы помощи и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы отдѣльныя общества не конкурировали другъ съ другомъ, помогая въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ и оставляя другіе безъ вниманія.

Другіе города установили у себя второй типъ объединенія — Federation of Finance. Сборъ пожертвованій и постоянныя обращенія за ними къ обществу составляютъ одну изъ главныхъ заботъ частныхъ организацій. Federation of Finance — это объединеніе для совмѣстнаго веденія финансовыхъ дѣлъ. При этомъ типѣ объединенія сборъ денегъ на социальную работу въ

городѣ, вообще производится не отдѣльными обществами, какъ при Council of Social Agencies, а Совѣтомъ Федерациі, въ который входятъ представители всѣхъ обществъ. Собранныя деньги потомъ распредѣляются между отдѣльными обществами. Совѣтъ Федерациі слѣдитъ также за тратами общества, стремясь внести экономію. Такъ онъ имѣетъ одну центральную бухгалтерію, замѣняющую бухгалтеріи отдѣльных обществъ, производитъ оптовые закупки, пытается сократить число платныхъ служащихъ каждаго общества, передавая всюду, гдѣ возможно, ихъ работу чиновникамъ федерациі, обслуживающимъ равномерно всѣ общества въ цѣломъ.

При огромномъ количествѣ обществъ

сборъ денегъ становится все болѣе труднымъ и насущнымъ дѣломъ. Въ этомъ отношеніи Америка создаетъ новую прикладную науку. Особыя лекціи о методахъ сбора пожертвованій читаются въ Social Departments университетовъ. Возникаютъ спеціальныя коммерческія предпріятія, собирающія на процентахъ деньги для благотворительныхъ обществъ. Существуетъ масса способовъ сбора, рассчитанныхъ на психологію массъ.

Эти сборы продолжаютъ привлекать громадныя средства на социальную работу, которая, при планомѣрной организаціи, даютъ возможность широко и успѣшно производить опыты и вводить новые методы.

Н. Клепининъ.

Дѣло для насъ.

Нерѣдко приходится видѣть среди членовъ Движенія желаніе чѣмъ-то дѣятельно послужить св. Церкви и православному народу, чѣмъ-то дѣйствительно противопоставить активному безбожію и духовному безразличію. Но что дѣлать, когда у насъ самихъ мало знанія, умѣнія, времени?

Ходишь на собранія кружковъ, участвуешь въ организаціи Движенія, пытаешься работать надъ собою. Но душа, сердце требуютъ еще чего-то. Не могутъ они только этимъ удовлетвориться, въ особенности, когда помнятъ о грозныхъ гоненіяхъ на христіанство въ наши дни. Хочется дѣйствительнаго служенія уже сейчасъ, а не въ будущемъ, столь неопредѣленномъ. И вотъ я хотѣлъ бы указать на одно нужное, необходимое и вмѣстѣ съ тѣмъ возможное для каждаго изъ насъ дѣло.

Мы знаемъ, какую большую энергію

проявляютъ безбожники въ дѣлѣ распространенія антирелигіозной, душу развращающей литературы. Безбожная книга и газета несутъ дурманъ по всей Россіи, умѣло развращая и убивая живую душу человѣческую. Да не только въ Россіи... Какъ легко и за границей найти, если не активно безбожную, то скрыто антирелигіозную, духовно безразличную, нравственно вредную книжку. Она въ каждомъ окнѣ книжнаго магазина; манитъ удачнымъ заглавіемъ, красочной обложкой, настойчивой рекламой и привлекательной газетной рецензіей.

А религіозная книжка? Достаточно-ли ея на книжномъ рынкѣ? Достаточно ли о ней знаютъ? Къ сожалѣнію, нельзя отвѣтить на эти вопросы радостно, утвердительно. Даже въ нашихъ храмахъ, или у ихъ стѣнъ, даже въ помѣщеніяхъ нашего Движенія недостаточно показано,

недостаточно предлагается христіанское слово.

А для людей, далекихъ отъ Церкви, не связанныхъ съ Движеніемъ хорошая книжка почти недоступна. Между тѣмъ религіозная книжка на книжномъ рынкѣ есть, и она можетъ и должна интересовать людей. Надо только обратить на нее ихъ вниманіе, надо показать ее, рассказать о ней, напомнить о ней, написать рецензію въ мѣстную газету или журналъ.

Вотъ объ этомъ дѣлѣ мы могли бы подумать и взять его на себя. Надо прежде всего узнать, какія есть сейчасъ въ продажѣ книги, и гдѣ ихъ достать. Затѣмъ выписать ихъ на комиссію, выложить на видномъ мѣстѣ въ помѣщеніяхъ Движенія (хорошо сдѣлать особую витрину), вывѣсить соотвѣтствующіе плакаты, назначить одного завѣдующаго книжнымъ миссіонерскимъ дѣломъ и дежурныхъ по продажѣ. Если будетъ достаточно энергіи, можно попытаться сдѣлать витринки религіозной литературы для храмовъ и предложить тамъ продавать ее за свѣчнымъ ящикомъ. Если это будетъ неудобно, можно попробовать устроить продажу религіозныхъ книгъ у церкви. Такъ дѣлаютъ студенты Богословскаго Института у двухъ православныхъ храмовъ въ Парижѣ. Приносятъ столикъ, раскладываютъ свои «Сергіевскіе Листки» и другія книжки и предлагаютъ. Здѣсь не должно быть ложнаго стыда. Это, вѣдь, дѣло апостольское, дѣло проповѣди. Подумать только, какъ энергичны въ отношеніи распространенія ложнаго слова безбожники и сектанты. Каждому изъ насъ слѣдуетъ знать миссіонерскую литературу и, помимо распространенія ея въ общественныхъ мѣстахъ, слѣдуетъ

стараться познакомить съ ней и свой личный кругъ друзей и знакомыхъ. Сколько хорошихъ мыслей можно вызвать у людей такимъ образомъ. Сколько недоумѣнныхъ вопросовъ можно такъ разъяснить. Сколько людей сможетъ благодаря этому духовно ожить и приблизиться къ Церкви, отъ которой отошли по недоразумѣнію. И какъ просто и какъ не трудно это сдѣлать. Только помолиться хорошенько Богу и приложить немного воли. Расходовъ особыхъ не будетъ и покрыть ихъ можно маленькимъ процентомъ съ цѣны продаваемыхъ книгъ. Для начала можно ограничиться распространеніемъ Священнаго Писанія, изданій Православнаго Миссіонерскаго книгоиздательства (Іеромонахъ Іоаннъ Вѣла Церква, Jugoslavia), изданій Сергіевскаго Братства (93, rue de Crimée, Paris XIX), изданій житій святыхъ кн. Яшвилъ (Stresovice 409. Praha, Tcheccoslovaquie), изданій YMCA Press въ Парижѣ и нашимъ «Вѣстникомъ». А затѣмъ по мѣрѣ силъ выписывать и другія изданія изъ Бѣлграда, Риги, Варшавы и т. д.

Дѣломъ миссіонерскаго распространенія христіанскаго печатнаго слова, мы дѣйствительно будемъ осуществлять основную задачу нашего Движенія, которое имѣетъ своею цѣлью «объединеніе вѣрующей молодежи для служенія Православной Церкви и привлеченіе къ вѣрѣ во Христа невѣрующихъ», и одновременно будемъ матеріально поддерживать религіозныя книгоиздательства. Это дѣло наше, и каждый изъ насъ можетъ и долженъ взять его на себя, проявляя при этомъ побольше личной инициативы. Да поможетъ намъ въ этомъ Господь.

Влад. Кульманъ.

Изъ жизни Движенія.

Въ половинѣ февраля закончились большія поѣздки центральныхъ секретарей по городамъ Германіи, Чехіи, Франціи и Прибалтики.

Эти поѣздки дали возможность установить личную, живую связь нашего отвѣтственнаго центра съ периферіей. Въ то же время черезъ устное слово секретарей въ ихъ лекціяхъ и бесѣдахъ кружки получили болѣе полное освѣдомленіе объ общей жизни Движенія въ настоящей стадіи его развитія.

Само собою понятно, что все Движеніе въ настоящее время захвачено грозными событиями религіозной жизни Россіи. Главнымъ образомъ этой темѣ были посвящены лекціи и бесѣды секретарей. Всюду въ кружкахъ ставятся острые вопросы: «Какъ и чѣмъ мы, живущіе за границей, можемъ принять участіе въ борьбѣ за Вѣру Христову? Какъ намъ подать руку помощи нашимъ братьямъ христіанамъ, угнетаемымъ въ Россіи? Какъ защитить отъ поруганій Святыни Православной Христовой Церкви?».

У многихъ Движенцевъ совершенно созрѣло сознаніе необходимости готовиться къ длительной и напряженнѣйшей религіозной борьбѣ. Они говорятъ: «Если въ данный моментъ мы не можемъ быть «на фронтѣ», т. е. въ Россіи, то необходимо здѣсь считать себя мобилизованными, какъ въ тылу».

Изъ Россіи приходятъ призывы: «безбожники уничтожаютъ священниковъ и активныхъ мирянъ, будьте готовы придти намъ на помощь!» Слыша эти призывы, нельзя колебаться, необходимо въ Движеніи готовить эту силу.

Во многихъ кружкахъ спрашиваютъ: «Какіе методы борьбы намъ доступны и позволительны? Возможна ли вооруженная защита поруганныхъ Святынь?»

Другіе отвѣчаютъ: «Возможно, что мы находимся въ преддверіи страшныхъ религіозныхъ войнъ, и намъ придется быть активными участниками ихъ. Однако, мы должны помнить, что побѣждаютъ лишь сильные духомъ. Не мертвые пушки и пулеметы рѣшаютъ участь сраженій, а духъ бойцовъ. Враги Христа это прекрасно знаютъ, а поэтому пропаганда у нихъ ставится въ основу всего».

А каково у насъ состояніе духа?

Можемъ ли мы назвать себя воинами Христа? Способны ли мы не на кратковременный

порывъ, а на длительную упорную борьбу, связанную со всеми лишеніями? Готовы ли мы не на словахъ только, а на дѣлѣ быть вѣрными служителями Христовой Церкви, даже до смерти? Исторія христіанской Церкви учитъ насъ, что маленькая группа христіанъ, силой Духа Божія, вѣрою и любовью ко Христу, безъ всякаго внѣшняго оружія, побѣдила Римскую Имперію».

Въ Ригѣ, Юрьевѣ и Печерахъ, въ Берлинѣ, Прагѣ и Братиславѣ — всюду, гдѣ разсѣяна русская молодежь, остро обсуждаются эти вопросы. Нѣсколько дней тому назадъ въ Парижѣ состоялось, въ присутствіи д-ра Мотта, собраніе профессоровъ и отвѣтственныхъ руководителей Движенія, гдѣ проф. Федотовъ сдѣлалъ сжатый и точный докладъ о религіозныхъ преслѣдованіяхъ въ Россіи.

Въ заключительномъ словѣ д-ръ Моттъ, искренній другъ Православной Церкви и Россіи, сказалъ: «Безбожный міръ не въ состояніи разрушить Православную Христову Церковь, большевики слишкомъ поздно спохватились. Имъ пришлось бы уничтожить труды 12 апостоловъ Церкви. Они этого сдѣлать не въ состояніи. Христосъ живъ во вѣки вѣковъ. Въ наше время сила Его проявляется болѣе, чѣмъ когда-либо. Весь христіанскій міръ поднимается на защиту Святынь».

Движеніе въ Германіи. По сравненію съ прошлымъ годомъ, въ Берлинѣ Движеніе значительно укрѣпилось. Внѣшняя организація закончена, и Дѣловой Комитетъ ведетъ нормальную работу. Въ началѣ марта Берлину предстоитъ провести въ довольно трудныхъ условіяхъ финансовую кампанію. Работу двухъ студенческихъ кружковъ можно считать вполне налаженной. Хорошо развивается жизнь юношескаго отдѣла. Движеніе организовало въ своемъ помѣщеніи богослуженія для дѣтей. Руками молодежи сооруженъ походный иконостасъ. Совершаетъ Богослуженія о. Леонидъ Розановъ. Подъ руководствомъ Т. Н. Занфтлебенъ очень хорошо функционируетъ дѣтская воскресная школа.

Въ Дрезденѣ два кружка слились въ одинъ который еженедѣльно собирается подъ предсѣдательствомъ и на квартирѣ князя А. Оболенскаго. Кружокъ имѣетъ 4 секціи. Работа его протекаетъ очень оживленно.

Въ Прагѣ слѣдуетъ отмѣтить успѣшное развитіе отдѣла мальчиковъ. Г. А. Бобровскій

организовалъ три гимназическихъ кружка «Витязей».

Въ Тжебовской гимназiи образовался новый кружокъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

Въ Брно по-прежнему работаютъ два студенческихъ кружка. Кромѣ того открыта во-окресная школа и отдѣлъ «Витязей». Поддерживается тѣсная связь съ Православнымъ Чешскимъ Христіанскимъ Движеніемъ и продолжается общая работа въ кружкахъ съ католиками и протестантами.

Въ Братиславѣ русскихъ студентовъ осталось очень мало. Кружокъ состоитъ изъ старыхъ Движенцевъ, окончившихъ учебныя заведенія и состоящихъ на службѣ. Кружокъ принимаетъ дѣятельное участіе въ мѣстной приходской жизни.

ФИНАНСОВАЯ КАМПАНІЯ ВЪ ПАРИЖѢ.

Между 2 и 9 февраля въ Парижѣ состоялся личный сборъ средствъ на нужды Движенія. Необходимо было собрать 108.000 фр. Сборъ прошелъ съ большимъ подъемомъ и оживленіемъ, — принимало участіе до 150 сборщиковъ. Къ вечеру въ воскресенье 9-го февраля было собрано 88.000 франковъ, и на заключительномъ собраніи недостающая сумма въ 20.000 фр., была покрыта полностью отдѣльными членами Движенія. Такимъ образомъ можно считать, что финансовая кампанія закончилась благополучно. Подробный отчетъ о ней будетъ данъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Вѣстника».

ССУДО-СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ КАССА

Р. С. Х. Д. ЗА РУБЕЖОМЪ

Указанная касса организуется при Центральномъ Секретариатѣ, для дѣйствительныхъ членомъ Движенія, сотрудниковъ и секретарей.

Цѣль кассы: а) оказаніе членамъ ея денежной поддержки путемъ выдачи срочныхъ возвратныхъ займовъ на случай болѣзни и разнообразныхъ нуждъ; б) содѣйствовать накопленію членами кассы личныхъ сбереженій.

Паевой взносъ опредѣленъ въ 100 фр., возвращаемые члену кассы при его выходѣ. Этотъ взносъ можетъ быть разсроченъ на четыре срока — въ первые четыре мѣсяца — по 25 франковъ.

Ссуда выдается въ размѣрѣ, не превышающемъ пятикратнаго актива члена кассы.

Справки можно получать у председателя Правленія кассы Э. Т. Пьянова. Заявленія о вступленіи въ кассу слѣдуетъ направлять на имя Правленія кассы 10, Bd Montparnasse. Paris (15).

Милостивый Государь,

Г. Редакторъ.

Позвольте обратиться къ Вамъ съ просьбой напечатать въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ нижеслѣдующее.

19-го октября 1929 года исполнилось столѣтъ со дня рожденія великаго праведника, чудотворца и молитвенника Земли Русской, приснопамятнаго о. Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго).

Для увѣковѣченія свѣтлой памяти почивающаго въ Бозѣ дорогого батюшки (какъ обычно его именовали многіе), группа лицъ, чтущихъ память великаго пастыря, обращается, черезъ посредство Вашего уважаемаго журнала (прося убѣдительно и другіе русскіе зарубежныя журналы и газеты перепечатать настоящее письмо), — съ просьбой ко всемъ тѣмъ, кому дорога память о. Іоанна, — переслать, по одному изъ нижеуказанныхъ адресовъ, свои (или чужія) воспоминанія (какъ печатныя, такъ и рукописныя) объ о. Іоаннѣ, его жизни (біографическія данныя и инья), его дѣятельности, его поѣздкахъ по Россіи, о многочисленныхъ случаяхъ чудесныхъ исцѣленій по молитвамъ о. Іоанна, какъ при жизни его, такъ и по смерти.

Всѣ собираемые матеріалы, предположено издать и тѣмъ самымъ воздать возможную и должную дань любви и почитанія тому, кто былъ всею своею жизнью истиннымъ примѣромъ ревностнаго служенія Богу и ближнему.

По желанію присылающихъ матеріалы, таковыя, по снятіи съ нихъ копій, будутъ съ благодарностью возвращены обратно.

Просьба присылать просимое по адресу: N. Malinowsky, Hrastovec pri Matibore. **Pocta Sv. Lenart** v Slovenskih goricah (Slovenija). Russki Realna Gimnazija. **Jougoslavie**; или же: Madame W. Grinevitch (pour Malinowsky), 101, rue Cherche Midi, Paris (6), France.

Прошу принять искреннія увѣренія въ моемъ отличномъ уваженіи

М. Малиновскій

Искусство и духовная жизнь въ насъ.

Въ предыдущемъ Бюллетенѣ было помѣщено двѣ статьи, посвященныхъ вопросу объ искусствѣ, какъ факторѣ религіозно-педагогическаго воздѣйствія на дѣтей. Въ виду огромной принципиальной и практической важности этого труднаго, но крайне жизненнаго вопроса, мнѣ хочется коснуться въ настоящей статьѣ болѣе общей темы, связанной съ нимъ. Каково отношеніе искусства къ духовной жизни въ насъ? Я говорю о взрослыхъ, о тѣхъ, кто сросся съ культурой нашихъ дней, но въ то же время живетъ духовной жизнью и ищетъ правды и праведности. Можетъ ли человекъ, живущій духовной жизнью, обращаться къ искусству, можетъ ли онъ найти въ немъ что-либо для своего духовнаго возрастанія? Не несетъ ли искусство тончайшій и потому опаснѣйшій соблазнъ, подмѣняя суровый реализмъ духовнаго дѣланія обманчивыми и призрачными услажденіями, въ которыхъ душа тонетъ, воображая, что пребываетъ въ подлинномъ духовномъ подъемѣ? У «эстетовъ» мы часто встречаемъ дурную установку души не на предметъ эстетическаго созерцанія, а на самомъ себѣ: мы любимъ уже не красоту, а любимъ свою любовь къ красотѣ. Такой «эстетизмъ» опасенъ какъ разъ своей чрезвычайной близостью къ самымъ чистымъ и цѣннымъ движеніямъ духовной жизни въ насъ. Именно, благодаря этой близости, создается возможность дурнаго ухода въ свои переживанія, исканія услады, а не предмета. Эстетизмъ, какъ плѣсень, портитъ все — и моральную и интеллектуальную и религіозную жизнь, онъ всюду пробирается и незаметно подмѣняетъ честный и трезвый реализмъ, цѣлостное погруженіе души въ добро, въ истину, въ святину — самоублаженіемъ, сладостнымъ погруженіемъ не въ объективный міръ, а въ самого себя. Такой эстетизмъ, какъ тонкій ядъ, отравляетъ самую сердцевину души, разрушаетъ ея изначальную свѣжесть и цѣлостность и ведетъ къ очень глубокому и опасному духовному заболѣванію.

Хомяковъ гдѣ-то говоритъ о «ересяхъ чувства» — въ параллель къ «ересямъ разума». Но ереси разума легко распознаваемы, они прозрачны и открыты, а ереси чувствъ трудно распознаваемы, закрыты и незаметны. Эстетизмъ есть именно такая «ересь чувствъ» — и хотя эстетизмъ возможенъ лишь при наличности эстетической жизни въ насъ, но онъ такъ естественно, такъ легко въ ней возникаетъ, какъ ея вырожденіе, но и какъ ея порожденіе, что вопросъ объ отношеніи эстетической жизни къ духовному дѣланію въ насъ имѣетъ самый жизненный и реальный смыслъ. Розановъ когда-то писалъ, что самой страшной духовной язвой XIX вѣка было то, что христіанство стало риторичнымъ. Именно искусство хотеть все оторвать отъ его реальной полноты, отъ его объективности и превратить все въ свою «тему». Все становится «темой», ко всему душа подходитъ съ этой искусственной установкой — и въ ней вянетъ драгоцѣннѣйшая связь ея съ реальностью, какъ таковой. Создается погруженіе въ самоусладу, дурная субъективность, — и живыя движенія религіозной сферы души какъ-то вянутъ, лишеныя живительнаго дыханія реальности. Происходитъ таинственное оскотленіе души, незамѣтное убіеніе ея жизненныхъ силъ... Отрицать это возмется ли кто-нибудь? И какъ не задуматься надъ всѣмъ этимъ, когда переходишь къ вопросамъ воспитанія? Если для насъ взрослыхъ искусство таитъ въ себѣ огромную опасность, то какъ можемъ мы вводить искусство въ систему воспитанія? Изъ-за маленькой его пользы, его нѣкоторыхъ цѣнныхъ вліяній какъ можемъ забыть о его двусмысленности? И не видимъ ли мы часто примѣры того, что люди, глубоко и искренно живущіе религіозной жизнью, перестаютъ нуждаться въ искусствѣ, избѣгаютъ его и даже борются съ нимъ?

Всѣ эти вопросы имѣютъ первостепенное значеніе для религіозной педагогики, ищущей здоровыхъ и творческихъ путей къ про-

бужденію и укрѣпленію въ дѣтяхъ духовной жизни. Но эти вопросы принадлежать не одной педагогикѣ. Они не менѣ остры и значительны для всей нашей культуры: съ ними связаны основные вопросы того, на что устремлены всѣ наши упованія — вопросы будущей православной культуры. Если придетъ эпоха православной культуры, будетъ ли въ ней мѣсто искусству и какому искусству?

Не означаетъ ли идеаль церковной культуры, что въ немъ будетъ умѣстно искусство лишь на службѣ Церкви, что такъ наз. свѣтское искусство будетъ уже отпаденіемъ отъ церковной культуры? Въ годы мечтаній о православной культурѣ — а мы проходимъ сейчасъ именно эти годы мечтаній — приходится слышать и такія рѣчи. Совершенно не раздѣляя этихъ взглядовъ, я чувствую ихъ неустрашимость и даже законность, но какъ разъ въ связи съ путями духовной жизни въ насъ. Нельзя отрицать или преуменьшать значеніе того направленія духовной жизни, которое признаетъ искусство лишь въ рамкахъ Церкви, а внѣцерковное искусство считаетъ по существу сомнительнымъ и двусмысленнымъ. Такое направленіе духовной жизни есть, оно законно и естественно — оно оправдано тѣмъ простымъ фактомъ, что оно связалось съ опредѣленнымъ типомъ духовной жизни. Но рядомъ съ такимъ типомъ такъ же законенъ и такъ же оправданъ и другой типъ — въ которомъ духовная жизнь не уводитъ отъ міра, отъ его задачъ и заботъ, отъ его красоты — но, наоборотъ, устремляетъ къ міру. Не одно искусство, но вся культура **можетъ** быть ненужной, даже опасной и вредной для перваго типа духовной жизни, — но кто посмѣетъ отрицать христіанскій смыслъ науки, общественнаго и историческаго творчества? Искусство неизбежно въ системѣ культуры, оно есть самое глубокое и творческое начало въ культурѣ, и кто сомнѣвается въ возможности внѣцерковнаго (свѣтскаго) искусства, тотъ сомнѣвается въ возможности свѣтской культуры вообще. Если мы говоримъ о церковной культурѣ, то не только въ смыслѣ культуры, отдающей себя на службу Церкви, но въ смыслѣ «мірской» культуры, отдающей себя на службу міру. Такая культура, отдающая себя на служеніе міру, какъ разъ и подлежитъ «оцерквленію», т. е. проникновенію въ нее духа Церкви и принциповъ ея. Поэтому понятіе церковной культуры обнимаетъ и культуру, отдающую себя на служеніе Церкви, и культуру, отдающую себя на служеніе міру —

при условіи, что эта послѣдняя ищетъ въ Церкви своего освященія и преображенія. Искусство не есть дурная выдумка праздныхъ людей, а есть выраженіе творческихъ даровъ, данныхъ намъ Богомъ: это есть достаточное его правданіе. Если есть дурное и опасное искусство, то существуетъ и дурная социальность и неосторожная и торопливая въ своихъ обобщеніяхъ наука, — но судить по дурнымъ образцамъ о наукѣ или социальной жизни или искусствѣ совершенно недопустимо. Въ церковной культурѣ искусство не просто возможно и допустимо, но оно именно въ ней должно получить расцвѣтъ въ своихъ самыхъ глубокихъ устремленіяхъ и исканіяхъ. Въ вѣкъ чувственной и материалистической культуры искусство (не по своей вѣнѣ, а по общей включительности въ систему культуры) невольно становится проводникомъ чувственности и материализма, хотя и смягчаетъ ихъ тѣмъ, что дано вмѣстѣ въ настоящей силѣ только искусству, — а именно таинственнымъ устремленіемъ своимъ къ преображенію жизни. Искусству всегда присуще это исканіе преображеннаго бытія, оно живетъ и движется этимъ исканіемъ и оттого оно менѣ другихъ сферъ культуры ядовито. Но совершенно невѣрно и прямо недопустимо отвергать искусство за то, что оно даетъ «усладу», погружаетъ въ міръ вымысла и тѣмъ уводитъ отъ реальности и трезвой правды, что оно развиваетъ дурной эстетизмъ и дразнитъ въ насъ чувственность. Да, все это есть — такъ же, какъ существуетъ въ наукѣ упрощенный техницизмъ, существуетъ въ социальной жизни близорукій утилитаризмъ. Говорить объ искусствѣ только то, что оно «услаждаетъ» или находитъ въ искусствѣ «пріятную» и «радостную» игру — это значитъ просто не понимать искусства, не знать его подлиннаго и глубокаго дѣйствія на душу. Искусство **питаетъ** душу — вотъ что нужно прежде всего имѣть въ виду: оно нужно душѣ такъ же, какъ ей нужна умственная жизнь, социальная активность. Въ искусствѣ для насъ открывается новая сторона насъ самихъ, которая впервые въ эстетической жизни пробуждается къ бытію и открываетъ родники такой глубокой и плодотворной творческой силы, которые несравнимы со всѣмъ тѣмъ, что пробуждаютъ въ душѣ другія формы культуры. Въ эстетической жизни мы впервые даемъ просторъ такимъ движеніямъ, которыхъ не вмѣщаетъ жизнь, а слѣдовательно здѣсь раскрываются нѣдра нашего бытія. Искусство не создаетъ

ихъ, а открываетъ — и этимъ оно совершаетъ огромную, неоцѣнимую работу именно на путяхъ духовной жизни. Эти пути, какъ ихъ формулировалъ еще св. Аѳанасій Великій, ведутъ къ обоженію (теозису) твари, и это значитъ, что одухотворенію и преображенію надлежитъ не только поверхность души, не только ея свѣтлые и прозрачные слои, но и ея нѣдры. То, что раньше знали лишь аскеты, достигавшіе большихъ высотъ духовной жизни, черезъ искусство, черезъ его удивительную способность проникать въ тайники души, становится открытымъ и доступнымъ и тѣмъ, кто по своему уровню духовной жизни, иначе никогда не дошелъ бы до познанія въ себѣ этихъ внутреннихъ движеній. Черезъ искусство совершается завоеваніе новыхъ территорій духовной жизни, т. е. входитъ въ сферу преображенія то, что раньше таилось въ «подпольѣ» и темныхъ глубинахъ души. Музыка, живопись, литература соперничаютъ другъ съ другомъ въ этомъ закрѣпленіи и уясненіи закрытой стороны души, ея природнаго хаоса, ея натуральной неустроенности. Это жутко и страшно, иногда подлинно опасно для отдѣльных людей, которые становятся одержимы тѣмъ, чего не понимаютъ и чѣмъ не могутъ овладѣть. Искусство нерѣдко выращиваетъ «цвѣты зла» — но за всѣмъ этимъ стоитъ огромный, безцѣнный вкладъ, который вноситъ искусство въ систему **духовной** жизни, въ процессъ одухотворенія культуры.

Итакъ, признавая совершенную законность того типа духовной жизни, который не только не нуждается въ искусствѣ, но и чувствуетъ въ немъ опасность и зло, сближая этотъ духовный типъ съ тѣмъ, ему близкимъ, кто не знаетъ и не хочетъ знать и науку и социальную культуру и хочетъ остаться въ предѣлахъ примитива или традиціи, — мы должны признать совершенную законность и оправданность иного типа, который идетъ съ своими духовными исканіями къ міру, стремится освятить и одухотворить натуральные процессы въ немъ. Можно и даже должно говорить о «христианизации» искусства (хотя это словно и неудачно), но надо рѣшительно отвергнуть общее положеніе о несоединимости духовной жизни съ погруженіемъ въ міръ эстетической жизни. Какъ возможенъ типъ христианина ученаго, который занятъ изученіемъ природы или исторіи, такъ возможенъ типъ христианина-художника, который передаетъ въ искусствѣ ту тайну міра, которая открывается его творчеству.

Таковы простые и даже элементарныя соображенія, говорящія о принципиальной сторонѣ дѣла. Наличие разныхъ типовъ духовной жизни, подлинная близость, хотя бы одного типа христианской души къ міру искусства говорятъ о принципиальной допустимости искусства въ путяхъ духовнаго воспитанія. Кому не нужно искусство, въ комъ оно не пробуждаетъ къ жизни скрытыя его духовныя силы, пусть остается чуждъ искусству, — и было бы насиліемъ и грѣхомъ заставлять того жить искусствомъ, но должна быть дана свобода и для тѣхъ, въ комъ искусство пробуждаетъ скрытыя силы души. Искусство и здѣсь становится «опаснымъ» и даже «двусмысленнымъ», но это есть **общая участь всей системы культуры**, самого міра нашего, пока не настала часъ его просвѣтленія и преображенія. Я готовъ сказать даже больше: въ «невидимой брани», въ которой состоитъ духовная жизнь наша, идетъ дѣло именно о томъ, чѣмъ насыщено искусство, чѣмъ оно большей частью занято. Оно неповинно въ тѣхъ ядахъ, которыми отравляется отъ него душа — оно лишь проявляетъ и обнаруживаетъ скрытую отравленность души. Но оно въ то же время могучимъ порывомъ поднимаетъ душу къ созерцанію того, что безъ него закрыто отъ насъ. Искусство хранитъ въ себѣ тайну преображенія жизни, но не порчи ея, не разрушенія ея: искусство есть проводникъ животворящихъ силъ, струящихся въ міръ, оно живо тѣми излученіями, которыя сходятъ къ намъ свыше. Именно въ православіи шире всего и полнѣе всего открыта передъ нами таинственная и провиденціальная функція искусства, какъ являющаго намъ тайну преображенія жизни. Искусство съ трудомъ вмѣщается въ нашу жизнь — и отъ этого идутъ его ядовитыя вліянія; по дурному или доброму вліянію искусства можно судить о чистотѣ духовной жизни.

Искусство есть замѣчательный продуктъ **именно духовной жизни**, и кто этого не понимаетъ, тому останется не понятно и то, почему Гоголь, столь глубокій и искренно искавшій путей правды, говорилъ объ искусствѣ, что оно есть «незримыя ступени къ христианству». Онъ же хорошо писалъ въ одномъ изъ раннихъ своихъ этюдовъ объ удивительной силѣ музыки, о ея несравнимой способности пробуждать душу отъ обыденной жизни — пробуждать въ ней священное томленіе о лучшемъ и высшемъ. Если бы не было искусства въ наше время, сколько душъ

оледенѣло бы совсѣмъ, духовно земрло... А между тѣмъ въ повторныхъ волненіяхъ, которыми отвѣчаетъ, противъ своей воли, душа на призывныя обращенія искусства смягчаются души самыя ожесточенныя и опустѣвшія, самыя холодныя и жесткія. Орфею приходилось укрощать звѣрей, но и нынѣ искусство все такъ же таинственно сбрасываетъ власть того маленькаго, мелкаго, ничтожнаго, что завладѣваетъ людьми. Страшно оставить нашъ мѣръ, съ его чудовищной механизацией, съ его огромными и жуткими скоплениями людей въ большихъ городахъ — безъ искусства. Оно услаждаетъ? Да, но эта услада безкорыстна, она возвращаетъ душу къ чистой, безкорыстной радости, и именно этимъ даетъ душѣ, хотя бы на мгновение, пе-

режить чистыя и свѣтлыя мечты. Какъ жутко было бы жить въ наше время безъ искусства.

Всѣми этими размышленіями, бѣглыми и предварительными, я совсѣмъ не хочу снять вопроса объ **опасностяхъ** искусства для духовной жизни и въ частности для воспитанія въ религіозномъ духѣ. Но не одно искусство таитъ въ себѣ эти опасности — оно раздѣляетъ ихъ съ другими сферами культуры. Но, помня объ опасностяхъ, нужно беречься «тнушенія» искусствомъ, которое было бы неправдой и хулой на святыню красоты, сіяющей въ мѣръ и людяхъ лучами, исходящими отъ Господа.

В. В. Зѣньковскій.

Искусство и воспитаніе.

Искусство нашего времени производитъ большое впечатлѣніе на человѣка, задумывающагося о тайнѣ нашего времени. Мысль поражается безусловной таинственностью свойственной этому искусству.

О мистикѣ современнаго эстета, художника, творца, воплощающаго то, что другіе чуютъ инстинктомъ своего вкуса, не приходится и говорить. Мы всѣ знаемъ современную музыку, поэзію, живопись. Съ точки зрѣнія опредѣленія нереальности этого искусства очень интересно современное декоративное искусство. Кто повѣщаль декоративные выставки въ Парижѣ, тотъ знаетъ, что тамъ не встрѣтить ни вазы, ни цвѣтовъ въ какой либо простой, понятной формѣ. На этихъ выставкахъ поражаетъ эта «таинственность» и фантастичность формы. Точно это какое то «кажущееся», призрачное, зачарованное царство. Можно поражаться этой таинственной зачарованностью современнаго художника. Точно ему грезится что то тонкое, скользящее мимо него, «астральное», воплощеніемъ чего онъ томится. Правдоподобнаго въ современномъ искусствѣ нѣтъ ничего. Да правдоподобное и не нравится, не слышится теперь. Въ этой погруженности, хотя и въ нереальный, но по своему таинственный мѣръ, можетъ быть лежитъ большая цѣнность современнаго искусства. Но надо отмѣтить, что изошренное искусство современности есть удѣлъ почти только самихъ его творцовъ — и ихъ ближайшей среды.

Широкія массы питаются сейчасъ нѣкоторыми, болѣе грубыми видами искусства. Называю изъ нихъ три: кинематографъ, спортъ и танцы. При всѣй внѣшней грубости и современныхъ танцевъ и спорта, не смотря на ихъ видимую занятность однимъ тѣломъ ихъ внутренній смыслъ настолько же мистиченъ (если даже не болѣе), какъ и другіхъ видовъ искусства. Въ чемъ лежитъ ихъ мистика? Она лежитъ въ этомъ касаніи черезъ внѣшнее (черезъ движеніе въ данномъ случаѣ) внутренняго хаоса, въ регулированіи и сознательнаго и подсознательнаго и даже болѣе глубокаго центра человѣческой личности.

Расцвѣтъ этихъ трехъ видовъ искусства чрезвычайно характеренъ для нашего времени. И это понятно. Нашу жизнь ярче всего характеризуетъ присущая ей черта гнета. Никогда раньше не бывало такъ мало внутренней и внѣшней свободы, какъ теперь. Гнетъ этотъ сказывается въ общемъ ритмѣ современной жизни, въ количествѣ обязанностей, которые лежатъ на отдѣльныхъ лицахъ, въ отсутствіи свободнаго времени, въ отсутствіи одиночества. При этомъ гнетѣ жизни не возможно принадлежать чему то, свободно избранному сердцемъ (въ лучшемъ случаѣ мы имѣемъ двойственность жизни).

Вся наша молодежь несетъ на себѣ бремя этого гнета и нѣтъ ничего противорѣчивѣе, чѣмъ жизнь искусства и творчества и этого гнета. Вотъ отчасти почему современная ма-

сса въ состояніи принять только тѣ виды творчества, которые имѣютъ силу (можетъ быть просто почти физическую) противостоять гнету жизни, пробить въ немъ брешь.

Спортъ, танцы и кинематографъ оказываются для этого достаточно «живучими». Вотъ почему несмотря на всѣ трудности, таящіяся въ отношеніяхъ религіи и искусства это послѣднее пріобрѣтаетъ въ религіозномъ отношеніи, очень большую роль, важную теперь въ борьбѣ за раскрыщеніе, за свободу. Проблема свободы — поставлена сейчасъ въ жизни, въ религіи, въ искусствѣ, въ педагогикѣ. Въ педагогическомъ использованіи искусства, надо было бы поставить нѣсколько вопросовъ: о приближеніи дѣтей, молодежи старшаго возраста къ искусству, въ школѣ и внѣ школы. Съ дѣтьми надо бы было и можно проходить постепенную лѣстницу художественнаго воспитанія — черезъ танцы, тѣніе, игру, рисованіе, близость къ природѣ. Очень большое мѣсто искусству надо бы было отвести и въ національномъ воспитаніи, продѣлывая съ дѣтьми цѣлый рядъ настоящихъ, кустарныхъ работъ. Нечего и говорить о томъ, что надо въ дѣтскихъ садахъ, школахъ создавать не отрывочныя встрѣчи съ красивымъ, но жить тамъ, погрузившись въ среду легкости и радости, именно исходя изъ искаянія раскрыщенія.

Дѣло обстоитъ гораздо труднѣе со старшими, потому что тутъ сильное вліяніе общаго ритма жизни и менѣе вліянія отдѣльныхъ факторовъ, и потому то искусство можетъ тутъ обнаружить всю свою двусмысленность.

Тутъ невозможно, войти въ близость съ тѣмъ видомъ искусства, на которое нѣтъ отзвука внутри. Заставить что то понравиться невозможно. Поэтому надо искать пути черезъ углубленіе того, что лежитъ само собой во вкусѣ современности, углубленія танца, спорта и кинематографа, но не утвержденіемъ какой нибудь, наприимѣръ, религіозной тенденціи. Всякая тенденція антихудожественна и вредна. Никакой натянутости, никакой искусственности и лжи, современная молодежь не приметъ потому, что самая лучшая черта этой молодежи подлинная жизненность и правдивость. Мнѣ кажется, что въ работѣ надъ жизнью съ теперешней старшей молодежью надо принять вполне отвѣчающую ея искренности извѣстную «безстрашность» въ открываніи и обнаженіи передъ ней всей правды жизни (въ нашемъ случаѣ видимой подъ религіознымъ угломъ жизни) и это возможно путемъ искусства и, прежде всего, черезъ синематографъ. Въ немъ можетъ произойти встрѣча современной реальности и внутренняго невидимаго міра. Но эти мысли о мѣрахъ для будущаго, имъ необходима широкая инициатива. А въ нашихъ условіяхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, можно ли помочь молодежи черезъ искусство? Тутъ возникаетъ новый вопросъ вообще объ отношеніяхъ религіозной личности и искусства.

Объ этомъ въ другой разъ.

А. Ч.

ХРОНИКА

РЕЛИГИОЗНО-ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ. Русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія въ Рѣжицѣ (Латвія).

3-5 января этого года въ Рѣжицѣ происходилъ трехдневный религіозно-педагогическій съездъ РСХД, на которомъ присутствовало около 80 человекъ педагоговъ и учащихся изъ Латвіи (Двинска, Риги, Рѣжицы, Пыталова), и Эстоніи (Валка, Нарвы, Печорь, Ревеля и Юрвева). Руководителями съезда были Л. А. Зандеръ, секретарь Движенія въ Прибалтикѣ, И. А. Лаговскій, О. І. Янсонъ и др. Собранія происходили въ помѣщеніи русской правительственной гимназіи, а поселены

участники были въ общежитіяхъ русскаго педагогическаго Института.

Съездъ былъ открытъ молебномъ совершеннымъ настоятелемъ собора О. Сченсовичемъ въ соборѣ; собраніе же было открыто привѣтственными словами Дир-ра Рѣжицкой гимназіи И. П. Тутышкина и Л. А. Зандера. Программа съезда состояла изъ лекцій по принципиальнымъ вопросамъ, семинаровъ и дискуссий. Были прочитаны слѣдующіе доклады:

Л. А. Зандеромъ о проблемахъ религіозной педагогики, И. П. Тутышкинымъ о новѣйшихъ теченіяхъ въ педагогической мысли и И. А. Лаговскимъ — о церкви и школѣ.

Семинары велись: 1) **В. В. Преображенским** на тему: Приподование исторіи и ея религиозное значеніе.

В. Бухгольцъ: Школьное естествознаніе и его значеніе для духовнаго роста дѣтей.

А. И. Шкультинъ — изящная литература и ея религиозное значеніе и **И. А. Лаговского**: Вопросы цѣлостной религиозной школы; Дискуссія были слѣдующія: 1) подъ руководствомъ Л. А. Зандера на тему: «Мораль безъ Бога», 2) И. А. Лаговскаго — о красотѣ въ жизни ребенка. 3) В. А. Зандеръ о школѣ и церкви.

Въ своемъ вступительномъ словѣ Л. А. Зандеръ, говоря о цѣли устраиваемаго съѣзда, указалъ на значеніе воспитанія, въ христіанской жизни, какъ на основной и первоначальный актъ и говорилъ, что развитіе религиозной педагогикѣ — одна изъ основныхъ задачъ русскаго христіанскаго Движенія.

Говоря въ своемъ докладѣ о проблемахъ религиозной педагогикѣ, Л. А. Зандеръ — указалъ на кризисъ современной педагогической мысли, явившійся результатомъ ея исключительнаго формализма и техницизма. При огромномъ богатствѣ опыта и методовъ работы — современная педагогическая мысль потеряла свои послѣднія ориентировочныя точки и, прекрасно зная, какъ вести дѣтей, запуталась въ вопросѣ — куда вести и зачѣмъ. Поэтому первой и основной задачей философа и педагога въ современной жизни является это обрѣтеніе опорныхъ пунктовъ, знаніе цѣлей педагогическаго процесса, ясной педагогической идеологіи.

До переживаемаго нами кризиса идеаломъ педагогическаго дѣланія была человѣческая личность, которая разсматривалась съ разныхъ точекъ зрѣнія. Однако, какую бы особенность ея природы мы ни брали бы за основу личности, мы никогда не будемъ въ состояніи выйти за предѣлы только человѣческаго и неизбѣжно будемъ служить только проходящему, относительному, безсильному. Съ разрушеніемъ вѣры въ человѣка долженъ разрушиться педагогическій натурализмъ. Однако, построеніе новаго идеала не должно отрицать все то положительное, что откинута въ области антропологіи, иными словами педагогическій идеалъ нашего времени, для того чтобы удовлетворить современную жизнь въ ея самыхъ острыхъ требованіяхъ долженъ одновременно быть насквозь и человѣчнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей силѣ и значимости, быть выше человѣческой природы.

Единственная въ исторіи личность Христа является не только предметомъ религиозной

вѣры, преклоненія и любви, но и единственно возможнымъ рѣшеніемъ проблемы педагогикѣ. Возникаетъ такимъ образомъ задача христологической проблемы педагогикѣ, процесса воспитанія и обученія — какъ Христопошенія. Этимъ ставится педагогикѣ новая цѣль. Современная педагогика отошла — вѣдь отъ божественнаго въ человѣкѣ, старая же религиозная педагогика, опиралась не на живой образъ Христа, — а на моральный кодексъ 10 заповѣдей, дающій совсѣмъ иную систему воспитанія. Этой задачѣ, построенія и проведенія въ жизнь Христоносной педагогикѣ и должно служить Движеніе, какъ своими практическими работами, такъ и теоретическими изысканіями, пользуясь своими школами и цѣтскими уголками, какъ своими лабораторіями.

И. П. Тутышкинъ въ своемъ докладѣ о новыхъ теченіяхъ педагогической мысли, прочитанномъ съ большимъ подъемомъ, вызвалъ восторгъ слушателей. Онъ говорилъ объ эмоціональной психологіи, какъ основѣ педагогикѣ, о богатствѣ человѣческихъ чувствъ, о необходимости учитывать въ педагогическомъ творчествѣ всю полноту чувствъ, а не втискивать жизнь ребенка въ интеллектуальныя схемы той или иной педагогической системы. Воспитаніе чувствъ вотъ главная задача педагога; надо сумѣть обложить палящій огонь — прекрасными кафелями и когда онъ не будетъ жечь и палить, но станетъ источникомъ согрѣвающей и одухотворяющей теплоты физической и душевной.

Докладъ вызвалъ большой интересъ, за нимъ послѣдовала дискуссія, которая внесла большую точность въ тезисы доклады.

И. А. Лаговскій въ докладѣ о «Церкви и школѣ» говорилъ о взаимоотношеніяхъ школьной дѣйствительности и всей окружающей ея среды, призывалъ къ большому реализму, предостерегалъ отъ утопическихъ надеждъ, часто возлагаемыхъ на школу. Докладъ, своимъ касаніемъ къ школьной дѣйствительности, оставилъ сильное впечатленіе.

Въ дискуссіи о «Морали безъ Бога», руководимой Л. А. Зандеромъ — особенное вниманіе привлекъ вопросъ о значеніи добрыхъ дѣлъ безъ соотвѣтствующихъ добрыхъ чувствъ. Часть слушателей признавала за ними значеніе педагогическое (подготовку себя и другихъ къ благодати) и конечно социальное, но и только, другіе видѣли въ нихъ самостоятельное значеніе, передъ очами Бога.

Моральность же, не связанная съ Богомъ,

признана, какъ необоснованная и случайная.

Въ дискуссіи о красотѣ въ жизни ребенка вопросъ тоже коснулся философской стороны вопроса — сущности красоты, о связанныхъ съ нею соблазнахъ, о ея религіозныхъ корняхъ. Третья дискуссія на тему о томъ, какъ на педагогическомъ языкѣ понимать термины «Школа и Церковь» велась подъ руководствомъ Л. А. Зандера. Понятіе творчества сближаютъ эти два слова между собой. Церковь неизсякаемый источникъ творчества, и школа требуетъ первымъ долгомъ активности и усилія со стороны самихъ учащихся. Понятіе трудовой школы непременно должно быть приложено къ церковной школѣ.

Опытъ кустарнаго осуществленія этого принципа мы находимъ въ практикѣ Движенія. Тѣ программы, которыя проводятся въ дѣтскихъ уголкахъ Прибалтики, являются попытками овладѣть трудовымъ методомъ въ вопросѣ религіознаго преподаванія. Отсюда то серьезное значеніе которое отводится здѣсь тѣмъ формамъ, которыя можно было бы назвать «активнымъ воспріятіемъ» изложеннаго матеріала (рисованіе, лѣпка, драматизція и проч.).

Какъ всѣ сѣзды СХД, это педагогическое совѣщаніе было закончено исповѣдью и причащеніемъ.

Охарактеризовать значеніе сѣзда трудно еще. Участники его остались имъ очень довольны, сѣздъ былъ очень сгущеннымъ и въ молитвенномъ и въ научномъ отношеніяхъ, далъ много цѣннаго матеріала участникамъ, оживилъ и воодушевилъ ихъ, наполнилъ слухами о Движеніи всю Латвію, привлекъ къ работѣ новыя силы, вдохновилъ новыхъ людей и укрѣпилъ единство прежнихъ работниковъ.

ПРОТОКОЛЬ РЕЛИГИОЗНО - ПЕДАГОГИЧЕСКАГО СЕМИНАРА.

(Продолженіе).

Декабрь, 1929 г.

Докладъ И. А. Лаговскаго: «Семья и школа»:

Вспоминая рядъ отрывковъ изъ русской литературы на тему: о взаимоотношеніяхъ семьи и школы, улавливаешь странный мотивъ - стыда «у дѣтей передъ школой за семью (см. Чехова «Душечка», «Дѣтство Темы» Гарина и проч.). Отсюда можно выдѣлить моментъ какого-то высокомерія школы передъ семьей. Надо сказать, что и практика педагогическихъ родительскихъ собраній бы-

ла не особенно удачна. Во всемъ этомъ называется чуждость двухъ стихій - школы и семьи. Школа все лучшее въ дѣтяхъ присваивала себѣ, а худшее оставляла семьѣ.

Новѣйшая школа тоже не свободна отъ этого специфическаго отношенія къ семьѣ. въ ней до сихъ поръ держится самая крайняя критика по отношенію къ семьѣ. Но наряду съ этимъ и семья относится къ школѣ критически.

Школа, во многихъ своихъ педагогическихъ теченіяхъ, интересуется, въ первую очередь, обществомъ и личностью, а не семьей. Мнѣ не приходилось встрѣчать системы, которая бы говорила о семьѣ, какъ объ основномъ моментѣ воспитанія. Семья предоставляетъ трудъ рожденія ребенка, вскармливанія, кормленія, отчасти право приблизить ребенка къ знанію. Но затѣмъ непременно семья уступаетъ свое мѣсто школѣ. Семья остается въ роли квартиродержателя: ея дѣло — будить, кормить, одѣвать ребенка, помогать ему учить уроки.

Отдѣльные лица (напримѣръ, Пироговъ) чувствовали ненормальность этого положенія, но вопросъ не находилъ широкаго отзвука. Школа утверждала свое господство. Семья же не переживалась, какъ мистическая тайна совершенно особаго духовно - физическаго единенія людей. Отрицая за семьей ея мистическую глубину и значеніе, государство и общество считали ее однимъ изъ своихъ служебныхъ средствъ.

Убѣжденіе, что семья мѣшаетъ прогрессу, прочно укоренилось въ сознаніи передоваго общества. Вспомнимъ отношеніе Бѣлинскаго къ Кудрявцеву, человѣку бытовому, подлинному народному труженику. Кудрявцевъ интересы семьи ставилъ выше того успѣха, который дается человѣку, какъ результатъ его научнаго труда и достижений. Отказъ отъ восхожденія на эту высшую ступень научныхъ достижений во имя интересовъ семьи Бѣлинскій разсматриваетъ, какъ мракобѣсіе.

Большевицкая педагогика въ вопросѣ отношеній семьи и школы ставитъ точку надъ «і», повторяя, правда, только шлогахъ европейскихъ педагоговъ: «Семья есть то, что должно быть преодолѣно» — мнѣніе, почти господствующее въ современной педагогикѣ.

Дѣйствительность, какъ будто оправдываетъ это положеніе. Передъ нами на лицо кризисъ семьи, глубоко и ярко выраженный. Такимъ образомъ школа кажется оправданной въ ея отношеніяхъ къ семьѣ. Но причины, разлагающія семью, лежатъ главнымъ образомъ въ социальныхъ условіяхъ жизни. Духъ

эпохи ведетъ къ кризису и семью. Нашъ вѣкъ вызвалъ перерожденіе самой ткани семьи: изъ трудовой единицы она превращается въ потребляющую. Процессъ совмѣстнаго труда, особенно плодотворно отражавшійся на дѣтяхъ, исчезаетъ. Современная семья превращается въ извѣстнаго рода отель, теряетъ аромать и поэзію, обрѣтаемая въ совмѣстномъ трудѣ семьи. Нынѣ семья встрѣчается главнымъ образомъ въ моменты потребленія (обѣдъ, ужинъ, чаепитіе). Болѣе рѣзкая, почти неустраняемая причина кризиса семьи — это использование женскаго труда. Женщина, съ неизбѣжностью вовлекаемая во внѣдомашній кругъ, уходитъ отъ семьи. Въ связи съ этимъ стоитъ отказъ отъ дѣтей, которыя дѣлаются бременемъ; отсюда на государство ложится обязанность заботы о дѣтяхъ. Съ натуральной точки зрѣнія, можно найти и нѣчто выигрышное въ современныхъ перемѣнахъ. Для насъ же, занимающихся вопросомъ религіозной школы, необходимо снова поставить вопросъ о семьѣ, потому что, по моему мнѣнію, у нея есть цѣлый рядъ преимуществъ, которыхъ ничто въ мірѣ не замѣнитъ. Для религіознаго сознанія кризисъ семьи есть серьезный и скорбный фактъ, хотя и преодолимый; духовное единство, мистическая тайна брака всегда остаются, и ими можно возстановить внѣшнее единство семьи.

Невозможно признать банкротства семьи, можно признать лишь ея трудности. Надо помнить, что полнота религіознаго воспитанія внѣ семьи не можетъ быть достигнута. Но надо отмѣтить также, что между замыслами религіознаго воспитанія и замыслами школы есть внутреннее противорѣчіе. Различны природа семьи и школы. Школа стремится къ периферіи, поэтому она такъ часто и мѣняется въ зависимости отъ обстановки. Семья тоже мѣняется, но въ ней хранятся благодатныя силы, помогающія преодолевать давленіе внѣшности.

Однимъ изъ большихъ недостатковъ современной школы является ея механизация, массовость школьнаго производства; самое же плохое — это увѣренность въ подлинности преподаваемаго знанія, тогда какъ это знаніе есть лишь касаніе истиннаго знанія.

Противорѣчіе семьи и школы лежитъ и въ области моральныхъ чувствованій. Въ шко-

лѣ наблюдается преобладаніе нормы, закона, права. Семья же регулируется другимъ духомъ. Семья всегда озарена духомъ свободы и благодати, отсюда невозможная для школы чуткость къ дѣтямъ. Школа готовитъ «воспитаннаго» человѣка, т. е. полезнаго обществу; моменты молитвы, восторга, интимной чуткости, которые семья со всею силой охраняетъ и питаетъ, есть для школы нѣчто случайное, ненужное.

Религіозное воспитаніе ребенка въ періодъ его перваго дѣтства безъ семьи совершенно невозможно. Первое богословіе ребенка является въ привычныхъ ему семейныхъ формахъ. Что легко въ семьѣ, то въ иныхъ условіяхъ почти невозможно безъ благодатной силы христіанской семьи. Второе же дѣтство характеризуется извѣстной подавленностью внѣшнимъ міромъ, ребенокъ отдаляется отъ семьи, хочетъ найти свое мѣсто внѣ ея. Въ этомъ періодѣ происходитъ духовное омелѣчаніе ребенка. Но если происходитъ дѣйствительный разрывъ ребенка и семьи, то можетъ произойти и духовное усыханіе.

Третій періодъ характеризуется обращеніемъ ребенка внутрь себя. Въ этотъ періодъ школа безсильна. Дѣйствительно только влияніе семьи. Фактъ сохраненія цѣлостности семьи оказывается чрезвычайно благотворнымъ. Если у семьи отнять ея образовательную и воспитательную функцію, то семья теряетъ свою полноту. Одной изъ причинъ потуханія семьи является то, что школа сняла съ семьи одну изъ важныхъ ея заботъ, которой семья одухотворяется.

Семья, общество и школа суть социальныя единицы. Въ какомъ соотношеніи должно намъ ихъ слить? Отношеніи: іерархіи, коопераціи или вражды? Іерархія и вражда царили прежде; для религіозной школы приемлемо только сотрудничество, но примать семьи все же долженъ быть утверждень. Семья для христіанина — это малая церковь, чего нельзя сказать о школѣ. Религіозная школа первая должна принять семью, какъ клѣточку, въ свой организмъ.

Послѣ доклада началось обсужденіе поднятаго вопроса.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВОСЛАВНЫЙ РЕЛИГИОЗНО - ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИКЪ

„ВѢСТНИКЪ“

Органъ Русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія за Рубежомъ
(четвертый годъ изданія).

Особое вниманіе обращено на освѣщеніе церковной жизни въ сов. Россіи, на хро-
нику антирелигіозной пропаганды. Имѣется отдѣлъ посвященный вопросамъ религіозно-
національнаго воспитанія русскаго юношества въ эмиграціи.

Восемь разъ въ году «Вѣстникъ» выходитъ съ приложеніемъ Бюллетеней Рели-
гиозно-Педагогическаго Кабинета, содержащихъ обзоръ основныхъ моментовъ теоріи и
практики современной религіозно-педагогической работы.

Можно выписывать бесплатно пробные номера.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

	на годъ	отд. №		на годъ	отд. №
Во Франціи съ колон.	30 фр.	3.— фр.	Въ Румыніи	220 лей	20 лей.
Въ Англіи	6 шилл	6 пен.	(при условіи посылки заказной бан- деролью 300 лей въ годъ).		
» Бельгіи	9 белг.	0.80 б.	Въ Финляндіи	55 мар.	5 мар.
» Болгаріи	140 левъ	15 л.	» Чехослованіи	45 кр.	4 кроны
» Германіи	5.50 мар.	0.50 м.	» Эстоніи	5.50 кр.	0.50 кр.
» Италіи	26 лиръ,	2.50 л.	» Югославіи	65 дин.	6 динар.
» Латвіи	6.50 латъ	0.60 л.	Остальн. страны	1.50 ам.д.	0.15 дол
» Литвъ	13 литъ	1.20 л.			
» Польшѣ	12 злот.	1.10 з.			

Рабочіе и студенты во всѣхъ странахъ, исключая Америку, Англію, Швейцарію,
Италію, англійскія колоніи и Дальній Востокъ, при условіи подписки на годъ, могутъ
пользоваться скидкой (годовая плата 1 американ. долларъ).

Деньги въ редакцію можно посылать почтовымъ переводомъ, чекомъ, или въ за-
казномъ письмѣ, въ любой валютѣ.

Пріемъ рукописей, объявленій, выдача
справокъ и указаній, а также полученіе
подписной платы производится:

АМЕРИКА: 1) Arch. W. Sokovich, 1520,
Green str. SAN FRANCISCO, California.

2) Rev. B. Amatoff 16, Hight str. CLAR-
MONT (N. H.).

3) N. Stember, 38 West, 120-th. str.
NEW-YORK.

Ю. АМЕРИКА. A. Vechniakoff. Traverça
Sto_Oby 2-b. Casa Russa. SAO PAULO.
Brasil.

АНГЛІЯ: V. Rastorgoueff, 80, Marchmont
Str. LONDON W. C. I.

БОЛГАРИЯ: Л. Тарановскій, Светослав.
Тертер, 7. СОФИЯ.

БЕЛЬГІЯ: Mme M. A. Petroff, Jette
St.-Pierre, Hôpital Brugmann. BRU-
XELLES.

ГЕРМАНИЯ: 1) V. Slepian Wielandstr.
49, BERLIN. Charlottenburg.

2) «Logos» 87, Markgrafenstrasse BER-
LIN S. W. 63.

3) D. Obolensky. Carlovitzstr. 15.
DRESDEN.

4) W. Schwesoff Bahnhofstr. 6. II. FREI-
BERG i. Sa

КИТАЙ: 1) В. Коченова, Св. Алексѣвская
церковь, Зелный Базаръ, Большой про-
спектъ HARBIN.

2) The Magazine Shop. 601 Av. Joffre
SHANGHAI.

ЛАТВІЯ: 1) F. Tsvirko. Turgeneva iela 21a,
8. RIGA.

2) L. Gailit. Ludzas iela 3. Daugav-
pils.

ПОЛЬША: 1) E. Polonska. Ul. Dlugosza, 29
parter lewy. LWOW.

2) «Dobro». ul. Krakowskie Przedmiescie
53. WARSZAWA.

ФИНЛЯНДІЯ: Mr Reiche, KELLOMAKI.
ФРАНЦІЯ: 1) Въ редакціи Вѣстника
Anna Smirnoff, 10, Bd Montparnasse,
PARIS. XV.

2) Mr. D. Schkott, 91, Bld. Gambetta,
NICE A. M.

3) V. Svirstchevsky, 33, rue Barême,
LYON.

ЧЕХОСЛОВАКІЯ: 1) S. Malloj, 271.
Bélohorska, Brévnov. PRAHA.

2) V. Voskobonikov. Kvajinsky urad odd.
39. BELNAYOVA 1-3. Bratislava.

3) V. Belousov, c/o A. Vissarionoff,
Folkenseimerova, ul. c. 49, byt. 1. BRNO

ЭСТОНІЯ: 1) S. Polochensky, Balti Puu-
villa vabrik 5-4. TALLINNA.

2) J. Schumakoff, Tahtvere tan 9, k. 2.
TARTU.

3) V. Bucholtz. Helsingi 4, Narva.
4) A. Sekst. Pihkva 43. Petseri.

СКЛАДЪ КНИГЪ ПО ПРАВОСЛАВНОМУ БОГОСЛОВІЮ:

„Святая Русь”

Принимаются заказы на богослужебныя, богословскія книги и академисты.

На запросы — письменные отвѣты.

ИМѢЮТСЯ КНИГИ:

- 1) Евангелія, Библии, молитвенники на слав. и рус. яз. синод. изд.
- 2) Старинныя изданія: а) академистъ Успенію Пр. Богородицы, со службою, 1761 года; б) академистъ св. Вел. Варварѣ со службою, 1795 г. и др. рѣдкія изданія.
- 3) Описаніе Кіево-Печерской Лавры, б. т. 1847 г.
- 4) Письма о Богослуженіи Прав. Церкви, 1839 г. — Муравьева.
- 5) Полныя творенія: а) Св. Іоанна Златоустаго, въ 12-ти кн.; б) Св. Тихона Задонскаго — въ 5-ти кн.
- 6) Сочиненія: а) Епископа Игнатія (Брянчанинова); б) Архіеп. Иннокентія Херсонскаго; в) Архіеп. Дмитрія Херсонскаго.
- 7) Творенія: Св. Григорія Богослова — въ 3-хъ кн.; б) Св. Іоанна Дамаскина, т. I.
- 8) «Четы-Миней» — св. Дм. Ростовскаго, въ 12-ти кн.
- 9) «Служебныя (мѣс.) Миней», въ 12-ти кн.
- 10) Праславленіе Св. Тихона Задонскаго — 1861 г. — 1911 г., б. т.
- 11) Практическое руководство для священнослужителей — П. Нечаева, б. томъ.
- 12) Исторія Прав. Христ. Церкви — Прот. Дмитревскаго.
- 13) Земная жизнь Господа наш. І. Христа, — прот. Попова, б. томъ.
- 14) Житіе Преп. Сергія Радонежскаго — Архим. Никона, изд. Троицкой Лавры, б. томъ, съ иллюстр.
- 15) Сказанія о земной жизни Пр. Богородицы, б. томъ, съ иллюстр. 1897 г. (Авон. изд.).
- 16) «Добролюбіе» — въ 5-ти т.т. (Авон. изд.).
- 17) Путь ко спасенію (кр. очеркъ аскетики) — Еп. Теофана.
- 18) Письма о христіан. жизни — Еп. Теофана.
- 19) Всѣ богослужебн. книги: Миней общая; Часословъ; Псалтырь Слѣдованная; Канонникъ и др.
- 20) Патерики: Древній, Аѳонскій и Кіево-Печерскій.
- 21) «Благовѣстникъ» — Толкованіе Евангелія Теофилакта, Архіеп. Болгарскаго.
- 22) Догматическое богословіе — Арх. Филарета Черниговскаго.
- 23) Толкованіе на Пареміи — Еп. Висаріона, въ 3-хъ т.т.
- 24) Письма о духовной жизни — Еп. Теофана.
- 25) Пособіе при изученіи устава Богослуженія Прав. Церкви — Прот. Никольскаго.
- 26) Отечественные подвижники 18 и 19 вв. — Е. Поселянина — въ 13-ти т.т.
- 27) Заслуж. проф. Д-ръ Богословія Н. Н. Глубоковскій—Русская Богосл. наука въ ея историч. развитіи и новѣйшемъ состояніи. Варшава, 1928 г.
- 28) Академисты различныя: Ик. Б. М. «Знаменіе»; св. Іоанну Воину; св. Алексію, челоу. Божьему; преп. Серафиму Саровскому и много др.; натѣльн. крестики и образки; иконки на бумагѣ и на деревѣ.

Здѣсь-же можно приобрѣтать кн. Ис. Н. Агапѣва — «Другъ Филателиста» — полное и лучшее изд. на рус. яз., въ худ. обложкѣ, на которой увѣковѣченъ разрушенный въ Варшавѣ русск. Прав. Александро-Невскій Соборъ. Цѣна—21 фр.

ПРИЕМЪ: вторникъ, четвергъ 6-9 ч. веч.; суббота 10-2 ч. дня;

воскресенье 2-4 ч. дня и письменно.

Адресъ: Mr. Alexandre, — 6, rue Eugène Gibez, Paris (15).

Редакторы: **Г. Федотовъ и И. Лаговскій**
Адресъ Редакціи: **G. FEDOTOFF, 10, Boulevard Montparnasse, Paris (XV)**
Tél. Ségur 31-68.

Издан. Р. С. Х. Движенія за Рубежомъ.